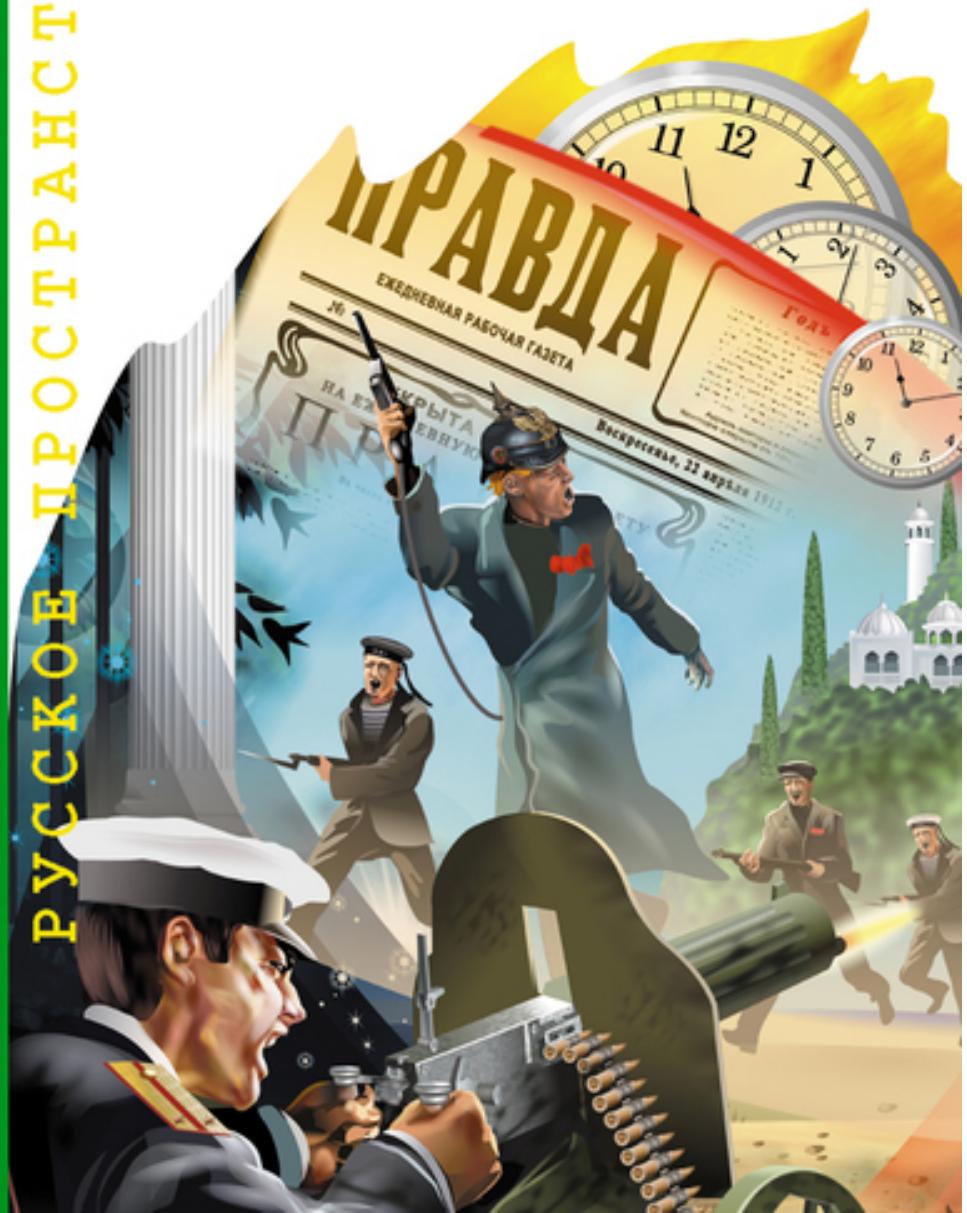

Кир БУЛЫЧЕВ

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ ТРАПЕЗУНДА

Отцы - основатели
РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

ЭКСМО

Река Хронос

Кир Булычев

Возвращение из Трапезунда

«ЭКСМО»

1992

Булычев К.

Возвращение из Трапезунда / К. Булычев — «Эксмо»,
1992 — (Река Хронос)

ISBN 5-699-15119-2

Самым главным своим литературным проектом в последние годы жизни Кир Булычев считал цикл романов «Река Хронос». Автор могучей писательской волей отправил путешествовать по реке времени молодых людей начала прошлого столетия – Лидочку и Андрея Берестовых, дав им возможность прыгать через годы, с таким расчетом, чтобы они прошли весь XX век молодыми.

ISBN 5-699-15119-2

© Булычев К., 1992
© Эксмо, 1992

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	45
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Кир Булычев

Возвращение из Трапезунда

Глава 1

Снова март – апрель 1917 г

Буквально за два дня до Февральской революции, покончившей с монархией в России, следователь Вревский вызвал к себе служившего в Феодосии прaporщика Николая Беккера.

Дело об убийстве Сергея Серафимовича Берестова и его служанки Глафиры Браницкой не было закрыто, но после исчезновения основного подозреваемого оно пылилось на полке в железном шкафу следователя. Там же находилась еще одна синяя папка: «Дело о без вести пропавших солдатах Феодосийской крепостной артиллерийской команды Денисенко Т.И. и Борзом Б.Р.».

Не зная о причине вызова, Беккер был обеспокоен и всю предыдущую ночь не спал, уговаривая себя, что все обойдется.

В одиннадцать часов утра Беккер поднялся на второй этаж и вошел в кабинет. Там ничего не изменилось, только стены стали еще темнее да больше скопилось пыли в углах, куда не доставала щетка уборщика. За столом, у лампы под зеленым абажуром, сидел вовсе не изменившийся Александр Ионович.

При виде Беккера следователь поднялся и показал на стул, но руки не подал, что Беккер счел плохим предзнаменованием.

Вревский разглядывал Беккера с любопытством, будто отыскивая перемены в его лице. Не найдя таковых, объяснил, что вызов – пустая формальность, связанная с отездом Вревского в Симферополь к новой должности.

Достав из покрашенного в коричневый цвет железного шкафа две синие папки, он положил их перед собой.

– Эти два дела, – сказал он, – тесно связаны.

Под его правой рукой покоилось дело об убийстве Сергея Серафимовича Берестова, под левой ладонью – дело о дезертирах.

– Все же вы утвердились во мнении, что убийцей мог быть один из моих солдат? – спросил Беккер.

– У меня нет окончательного мнения, – ответил Вревский. – Я не исключаю вины Андрея Берестова.

– Я всегда говорил вам – это исключено! Он был добрым человеком. И безобидным.

– Оставьте эти причитания для барышень, – буркнул Вревский. – Невинные не устраивают побегов.

– А вы уверены, что это побег? Я слышал, что они покончили с собой.

– Не играет роли. Они убежали, инсценировав самоубийство. Но потом их лодка попала в штурм. Шансы на то, что они остались в живых, ничтожны.

– И раз один подозреваемый избегнул вашей кары, – попытался улыбнуться Беккер, – вы ищете другого.

– Не другого – других. Пропавшие солдаты – из вашей команды. Они притом ваши земляки. Одного из них затем находят убитым. Рядом – пустая шкатулка Берестова. Как мне не подозревать!

– Но при чем тут я?

– А разве я вас уже обвинил?

– Вы меня вызвали сюда.

– Из любопытства. Только из любопытства. Допустим, что все же убийцы и грабители были солдаты. Откуда они узнали о ценностях? О шкатулке?

– Не знаю.

– А я думаю, что от человека, близкого к Берестову. Или к его родственникам.

– Вот и ищите, – сказал Беккер с раздражением. – Могу предложить версию.

– Пожалуйста.

– Один из солдат был любовником служанки Берестова. И она с ним поделилась тайной.

– Вы не знали эту женщину?

– Нет.

– То-то и видно… А можно я предложу версию?

– Я весь внимание.

– Берестов поделился тайной со своим гимназическим другом Беккером. А у Беккера стесненное денежное положение. Беккер готов на все!

– Александр Ионович!

– Это же только предположение. Но если было так, то я вам сочувствую.

– Почему?

– Потому что вы не получили никаких денег. Ваши сообщники вас надули. Это бывает в уголовном мире.

– Простите, Александр Ионович, я хотел бы узнать, с какой целью меня вызвали из Феодосии?

– Только чтобы поставить вас в известность о закрытии дела, которое вас касается. Дела о сбежавших солдатах. Вот и все…

* * *

Через неделю, оказавшись в Ялте, Беккер увидел, как толпа громит здание городского суда.

В первые дни революции по всей России прокатилась волна расправ с полицейскими, нападений на полицейские участки и тюрьмы. А так как старые власти в Ялте не оказывали революции никакого сопротивления, следовало предпринять какой-нибудь революционный шаг, оставить в воспоминание потомкам решительное действие, которое войдет в учебники истории. Таким действием и стало взятие городского суда.

Вовремя присоединившийся к толпе Беккер смог пройти в кабинет срочно уехавшего в Симферополь следователя и отыскать у него в столе две синие папки.

Переехав в Севастополь, Коля взял папки с собой.

С того дня, сначала незаметно, по сантиметрам, а потом все очевиднее, рельсы истории принялись разбегаться. Но на этот раз все наши герои оказались в основном потоке времени.

* * *

В двадцатых числах марта Фридрих Платтен, швейцарский социалист, человек солидный, входил в германское посольство, подписал с Германией письменное соглашение, по которому германская сторона брала на себя обязательство провезти русских революционеров через свою территорию. В условиях соглашения был ряд любопытных пунктов, о которых в свое время не распространялись. Враги социалистов – потому, что их не знали, а сами социалисты – потому, что не хотели огласки. В соглашении говорилось, что едут все желающие, независимо от их взглядов на войну. В их вагон не имеет права входить ни один германский чиновник или военный без разрешения Платтена. Никакого контроля, никакой проверки багажа –

если русские и везут бомбы, они смогут воспользоваться ими лишь по ту сторону границы. Социалисты обязуются добыть в обмен за себя несколько германских пленных... Последний пункт превращал соглашение в сделку скорее гуманного, чем политического характера. Был он лжив – никто не верил, что вот-вот из-за горизонта покажутся «пикельхельмы» германских собратьев!

Но германцы, соблазненные дьяволом революции, господином Ганецким, уверовали в то, что эти большевики скоро развалят русское государство – тогда можно будет взять украинские степи голыми руками.

Ганецкий не обманул. Прежде чем рухнуть, германская империя без всякой пользы для себя сожрала половину России.

Переговоры шли в Берне, а большинство эмигрантов обитало в более добром, уютном Цюрихе. Когда из Берлина телеграфировали, что протокол подписан, Владимир Ильич бросился в комнату, начал кидать в чемодан вещи и говорить Надежде Константиновне:

– Первым же поездом! Посмотри расписание, когда ближайший поезд на Берн.

До ближайшего поезда оставалось всего два часа.

– Поезжай один, я приеду завтра, – уговаривала Владимира Ильича Крупская. Но он был неумолим – он требовал совместного отъезда и, как всегда, победил. За час сорок три минуты Ульяновы сложили книги и нехитрое имущество, уничтожили все компрометирующие письма. Переоделись. Владимир Ильич сбежал в библиотеку и по дороге даже успел купить библиотекарше небольшой букетик тюльпанов, не пожалев на это трех минут и двух почти последних франков. Надежда Константиновна за это время расплатилась с хозяином Камерером, вместе с ним проверила, все ли в порядке в оставляемой квартире, снесла вниз часть вещей – остальные стащил сам Владимир Ильич, а потом побежал искать извозчика.

Первым же поездом Ульяновы успели в Берн. Там, в Народном доме, уже собирались их друзья и знакомые – Зиновьевы, Усиевичи, нервная и привлекательная Инесса Арманд, буйный Мартов, упрямый Дан, Ольга Равич, Харитонов, Розенблум, Абрамович из Шо-де-Фон и просто Абрамович, Бойцов, Миха Цхакая, Сокольников, Радек – светила социалистической мысли, бунтари, заговорщики, мечтатели... Всего их было тридцать человек, если не считать четырехлетнего кудрявого сына одной женщины, принадлежавшей к еврейской партии Бунд. Мальчика звали Робертом, он полюбил Сокольникова и больше никого не хотел слушаться.

Вагон был первого класса: к русским социалистам немцы приставили хороших поваров, которые кормили сытно, как мало кто из них питался в последнее время.

– Это тебе, Ильич, не глухонемой швед, – смеялся Зиновьев, который знал о несбывшихся планах Владимира Ильича поехать через Германию под видом глухонемого скандинава.

И Ленин согласился, что тот, отвергнутый, план был авантюрен – любая случайность, проговорка, ошибка могли привести к аресту. А вдруг Ильича приняли бы за английского шпиона?

Все смеялись над такой возможностью, и Радек даже нарисовал карикатуру – на фоне Кельнского собора два дюжих немецких агента ведут согбенного Ленина в тюрьму, а на груди у него табличка: «Агент коварного Альбиона».

Ленин подолгу стоял у окна. На чистеньких перронах небольших станций, возле чистеньких домов столь милой его сердцу Германии были видны только старики или инвалиды – война уже подскребла последние остатки мужчин. Даже в полях трудились женщины и дети, Германия была близка к концу своих сил, своего терпения, и Ленин, не зная еще, что ждет его дома, начал размышлять о революции в Германии – революция легче всего поднимается именно там, где терпение народа находится на крайнем пределе.

31 марта тридцать товарищей были в Стокгольме. Это была нейтральная земля – главная и самая опасная часть путешествия была завершена. До России оставался буквально один шаг. В Стокгольме русских товарищей встретили шведские коллеги.

Их привели в зал, украшенный красными знаменами. Там состоялся небольшой митинг, респектабельный и соответствующий характеру аудитории и гостей.

Некоторое время, пока Петроград и Стокгольм обменивались телеграммами, эмигранты томились в Швеции. Временное правительство не пожелало впустить в Россию двух человек из тридцати. Въезд был запрещен Платтену и Радеку как иностранным подданным.

Потом была Финляндия – родные, шатучие, старенькие, пропахшие потом, водкой, колбасой вагоны третьего класса. Так закончилось воскресенье, 2 апреля, начало пасхальной недели. Солдаты, ехавшие в вагоне, угостили мальчика Роберта куличом.

Миновали Выборг – до Петербурга оставалось несколько часов. Вагон заполнился народом, большей частью солдатами и мешочниками. За окнами, на платформах финских станций, стояли безоружные русские солдаты – видно было, что армия рассыпается.

Усиевич высунулся в окно и закричал:

– Да здравствует мировая революция!

Солдаты на перроне не успели сообразить, что кричит этот странный барин, и проводили его удивленными взглядами. Владимир Ильич сцепился с бледным поручиком, сторонником войны до победного конца. Они так громко и горячо спорили, что вокруг собралась толпа солдат и мешочников – всем хотелось послушать ученых людей.

На этот раз не было ни повара, ни официантов – хорошо, что в Стокгольме шведские социалисты снабдили товарищей колбасой, булками и другим, давно не виданным в России провиантам. Эмигранты разделились на группы и уничтожали припасы. Вагон наполнился дразнящим ароматом иностранной пищи, что отделило эмигрантов от своих, местных.

К Териокам успели подчистить все, собрали вещи и прилипли к окнам – шли дачные места, многие здесь когда-то жили летом, купались в чистой Маркизовой луже и рыбачили. Дачи в Куоккале выглядывали из-за заслонов сосен – вокруг них не было заборов – только полоски дикого камня.

Перед станцией Белоостров рельсы разбежались. Там, на платформе, стояла кучка людей в пальто и шляпах – с залива дул свежий ветер, они ждали давно и сильно замерзли.

Было уже темно, Мария Ильинична бегала вдоль состава, выкрикивая: «Володя! Володя! Где Ульянов, товарищи?» Усиевич закричал из окна:

– Мы здесь! Идите сюда!

Вагоны были не освещены, и люди угадывали друг друга только по голосам.

Встречающие влезли в поезд и прошли в нужный вагон. Ильич выбежал к переходному тамбуру и обнял сестру. Он прослезился. Все были рады – трудно было поверить, что товарищи смогли прорваться сквозь страшные опасности путешествия через Германию.

– Трудно поверить! – воскликнул Шляпников.

– Нас арестуют? – тихо спросил Владимир Ильич, увлекая сестру в сторону, в пустой закуток кондуктора. – Нас обязательно арестуют.

– Не думаю, – авторитетно ответила Мария Ильинична.

Шел к концу понедельник, 3 апреля. На площади перед Финляндским вокзалом собралось немало народа: революция испытывала острый дефицит в лидерах – слишком быстро они возвышались и бывали низвергнуты толпой, готовой к эйфории и разочарованиям. На этот раз приехали самые настоящие, самые непримиримые вожди – Мартов, Ульянов, Зиновьев, Цхакая и другие, согласившиеся на долгое изгнание, но отказавшиеся от компромисса с царским режимом.

Когда поезд медленно остановился, почти упервшись трубой паровоза в белое с желтым железнодорожно-готическое двухэтажное строение вокзала, солдаты и мешочники из первых вагонов устремились вперед и буквально смели депутатию, которая пришла встречать коллег.

Лишь когда толпа схлынула, большевик Чугунов, знавший Ленина по школе в Лонжюмо, отыскал Владимира Ильича, окруженного товарищами по путешествию.

Он начал совать ему в руки картонную книжечку, и Ульянов, не сообразив, отталкивал книжечку, полагая, что от него требуют автограф.

— Разрешите! — закричал Чугунов, так что люди вокруг замолчали. — Разрешите вам, товарищ Ульянов, вручить партийный билет Выборгской организации нашей партии под номером шестьсот! Шестьсот! — повторил он. — Шестьсот, — словно эта цифра имела магическое значение.

В зале вокзала, куда ввалились шумной, веселой, гудящей толпой приезжие, было пусто. У дверей уже стояли караулы. Некоторые из эмигрантов почувствовали холодок в груди — это было похоже на арест.

Но из небольшой группы людей в центре плохо освещенного зала отделился господин в черном пальто с бархатным воротником. Он снял котелок и пошел навстречу приехавшим.

— Я рад приветствовать возвращение на родину наших признанных борцов за свободу! — хрюкло воскликнул он. В речи оратора чувствовался кавказский акцент.

Речь председателя Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов грузинского социалиста Чхеидзе была короткой и соответствовала моменту. Ленин, который не выносил Чхеидзе со времен партийного раскола, вертел головой, отмечая все мелочи, столь привычные уже петроградцам, но новые, на его цепкий взгляд. И то, что караул был вооружен и хорошо одет, но без погон, и то, что женщины в Петрограде следят за европейской модой, и то, как осунулся и постарел Чхеидзе...

— Что там, на площади? — обернулся Ленин к Чугунову. — Вы собрали людей?

— Там несколько сотен человек.

— Говорить буду я.

— Но не все пришли встречать вас, — ответил наивный Чугунов, который не сделает карьеры в партии и государстве. — Здесь же сам Мартов!

Ленин покосился на Мартова, который уже мотал седеющей гривой, ожидая, когда сможет достойно и красиво ответить на приветствие Чхеидзе.

— Спасибо! — громко сказал Ульянов, как только Чхеидзе закончил речь. Он протянул ему руку. — Еще раз спасибо.

Торжество Мартова было скомкано. И еще более скомкано, когда Ленин сказал:

— Дела партийные и советские никуда не денутся. А нас ждет народ.

Он показал вперед, на арку, ведущую из вокзала на площадь.

Это было совершенно не по-товарищески по отношению к Чхеидзе, который поздно вечером, не жалея своего времени, приехал встречать эмигрантов, это было не по-товарищески по отношению к остальным эмигрантам, не менее известным в народе, чем Ульянов. Но пора женевских и цюрихских дискуссий кончилась. Все как дети, повторил мысленно Ленин полюбившийся глупый стишок из эсеровской газеты, все как дети, день так розов, ночи нет...

Широкими быстрыми шагами Ленин пересек зал — один по гулким плитам, — вышел, сопровождаемый догнавшими его большевиками, на ступени вокзала, — морской прожектор, привезенный из Кронштадта, ударил ему в лицо, и фигурки на ступенях вокзала приобрели особое, высвеченное значение.

— Выше! — сказал Ленин. — Я не могу говорить отсюда — меня не видно.

— Мы подготовили автомобиль, — сказал Чугунов. — Товарищ Керенский всегда выступает с автомобиля.

— Чепуха. Автомобиль недостаточно высок, — сказал Ленин. — Это чей броневик? Не враждебный?

— Прислан Советом для охраны, — сказал Чугунов.

— Вот оттуда я и скажу речь!

— Ну что вы, Владимир Ильич, вы же ушибетесь, — сказал Чугунов.

— Володя, ты обязательно упадешь, — сказала Мария Ильинична.

– Пускай говорит Сокольников. Он моложе и крепче, – сказала Инесса Арманд.

Владимир Ильич только отмахнулся от них. Все они – друзья, родственники, близкие люди – оставались еще во вчерашнем дне – в эмиграции, в пути, в теоретических дебатах. Лишь Ленин увидел в темной, уставшей от ожидания, но ждущей все же толпе ту силу, которую только он может схватить и держать в кулаке, – тогда он непобедим. Разожмешь кулак на минуту – она вырвется и сожрет тебя. И это понимание, это чувство толпы делало его сильнее всех, кто окружал его или противостоял ему.

И когда Ленин полез на броневик, ему стали помогать – в нем была сила. И он сказал свою речь!

* * *

Совсем уж ночью Ленин побывал в особняке любовницы Великих князей, очаровательной коренастой балерины Кшесинской, где располагался штаб его партии. Ему принесли чаю в чашке, которой столь недавно касались пальцы любовника балерины. Здесь собрались функционеры партии, некоторые ворчали – слишком поздно. Они еще не привыкли к тому, что революция не знает времени суток.

Рано утром, переночевав у сестры, а вернее, проведя остаток ночи за разговорами, Ленин, сопровождаемый женой и Марией, поехал на Волково кладбище.

Там он стоял, ежился, ни с кем не говорил, ни на кого не смотрел – перед могилами мамы и сестры Оли. Родные умерли без него – он не смог даже проститься с ними, и, как человек буржуазный, твердых семейных устоев, Ленин чувствовал себя глубоко виноватым перед мамой и Оленькой. Он не пытался безмолвно оправдываться перед ними, но скорбел о нелепости жизни, которая разрывает связи между самыми родными и доверчиво близкими людьми. И он искренне жалел, что мама так и не смогла дожить до этих дней – и не смогла оказаться на исчерченной лучами прожекторов площади перед Финляндским вокзалом, где он смело выхватил всю честь и славу встречи у своих соперников. Мамочка умерла, удрученная и униженная хождениями по равнодушным и тупым высоким инстанциям, умоляя за жизнь брата, потом за его, Володину, свободу… Она бы еще жила и жила, если бы не эти Романовы, если бы не гнусная машина, созданная ими, если бы не отвратительная азиатчина России. Сегодня ночью, стоя на броневике и видя под собой запрокинутые синие во тьме лица сотен людей, он понял, что сделал еще один шаг к отмщению.

– Спи, мама, – прошептал Владимир Ильич, – спи, Олеенька.

Он высыпался и медленно пошел с кладбища. Надя догнала его, взяла под руку. С другой стороны шла Маша. И так случился миг, когда никто более не нужен, когда мир смыкается.

Извозчик ждал у ворот – вчера Мария Ильинична передала Володе небольшую сумму из партийной кассы, и они смогли позволить себе раскатывать на извозчике.

Владимир Ильич помог взобраться в пролетку жене и сестре, потом уселся сам.

– Это тебе не броневик, – пошутила Мария, и Владимир Ильич не рассердился, а рассеянно улыбнулся.

– Куда ехать, барин? – спросил извозчик.

– На Херсонскую? – Ленин сомневался, правильно ли он помнит адрес Бонч-Бруевича.

– Херсонская, три, – сказала Мария Ильинична.

* * *

Вынырнув из потока времени, Андрей очутился в том же узком проходе между зданием комендатуры и высоким каменным забором. Дул страшный ветер, стонали и хрюпели почти

невидимые в рассветной мгле деревья. Окна везде были потушены, и такое было ощущение, что во всем городе – ни души.

«Может, и к лучшему, – подумал Андрей, – что я очутился здесь на рассвете, – по крайней мере есть время осмотреться».

И тут же его охватило беспокойство за Лидочку – как она там, плывет ли еще в потоке времени или уже ждет на набережной?

Стоять на месте было холодно, да и нетерпение не давало оставаться недвижным. Андрей поднял воротник студенческой тужурки – стало чуть теплее – и осторожно пошел в сторону судебного здания. Во дворе он остановился, глядя на темные окна второго этажа и выискивая глазами кабинет Вревского. Не преуспев в этом, Андрей обогнул здание суда и через полуоткрытые ворота вышел на улицу.

Там было темно – единственный в поле зрения фонарь на перекрестке. Второй, тусклый, в разбитом колпаке, еле светил над входом в суд. Прибитая к двери белая картонка привлекла внимание Андрея. Ему с чего-то вдруг показалось, что это – объявление о поиске и вознаграждении за его голову. Факт того, что он отсутствовал на этом свете более двух лет, не вмешался в сознание.

Кривыми буквами на картонке было выведено:

ЯЛТИНСКИЙ ГОРОДСКОЙ СОВЕТЪ

СОЛДАТСКИХ И РАБОЧИХ ДЕПУТАТОВЪ

Картонка частично закрывала стеклянную вывеску «Городской суд», угол которой был отбит.

Во всем в этом была несуразность – кто посмел разбить вывеску, кто посмел наклеить на нее какую-то нелепую картонку о «совете»? Кто с кем советуется? Рабочие с солдатами?

Порыв ветра с моря заставил Андрея поежиться – где же спрятаться? Он пошевелил пальцами в карманах и понял, что у него нет с собой ни копейки, ни бумажки – ничего. Все отобрано при обыске, когда его сажали в камеру. Он как бы не существует. Не ко Вревскому же идти с жалобой – отдайте мой студенческий билет и двадцать рублей, что были в него вложены!

Под утро каждый город являет собой наиболее пустынное зрелище. Даже припозднившиеся гуляки уже добрались до дома. А первые дворники и торговцы, что съезжаются на базар, еще не поднялись.

Андрей быстро пошел вниз к набережной, припрыгивая, чтобы согреться. Никто не встретился ему. Постепенно светало.

Глупость положения заключалась в том, что Андрей не мог сунуться даже в noctлежку, потому что у него не было ни гроша.

Андрей пошел быстрым шагом, хотя быстрый шаг не согревал – ветер выдувал все тепло, что набирало тело от движения, надеясь отыскать какую-нибудь шаланду или пароходик, где можно спрятаться. Оыта у Андрея по этой части никакого не было, а холод мешал сосредоточиться и придумать выход. Может быть, отправиться в полицейский участок и заявить, что тебя обокрали? Ты студент из Петрограда, приехал на лечение и вот – такая незадача – ни копейки… Пока будут разбираться, можно выспаться. В плане обнаружился недостаток: в разгар этого душепитательного разговора открывается дверь, и входит Вревский, впрочем, достаточно одного из полицейских, которые знают Берестова в лицо. Нет, план этот слишком рискованный. Попасть в тюрьму, из которой с такими приключениями убежал, может лишь существо весьма глупое.

Набережная была пуста. Здесь было светлее, чем в городе. Можно гасить фонари.

Андрей пошел еще быстрее, чтобы не думать о пронизывающем ветре, и тут впереди увидел выходящих на набережную трех солдат – все трое с винтовками за плечами. Андрей еще толком не разглядел их, но уже всей шкурой почувствовал – это патруль. Патрулю холодно и скучно, и он, конечно же, остановит студента.

Андрей тут же свернулся в дверь – дверь была не заперта. За ней был черный неосвещенный вестибюль. А куда дальше – неизвестно. Андрей нашупал рукой правую стену и пошел вдоль нее, ощущая пальцами шершавость масляной краски. Вот впадина, ниша – это еще одна дверь, дверь заперта. Снова стена...

Сзади хлопнула входная дверь.

– Эй, где ты? – послышалось оттуда. Значит, они увидели, куда он скрылся.

Сзади загорелся ручной фонарь.

В эти мгновения руки и ноги Андрея действовали самостоятельно, как у зайца, которого со всех сторон обложили волки.

Андрей забрался под лестницу, в тесное пространство, куда хозяева или жильцы дома втискивали, по русскому обычаю, то, что уже никогда никому не пригодится, а выкидывать жалко; там стояли старые сундуки с тряпьем.

Солдаты потоптались у входа, водя лучом фонаря по подъезду, не уверенные, безвреден беглец или крайне опасен и вот-вот выстрелит из револьвера. В конце концов осторожность победила, и патруль ушел, а Андрей понял, что не было бы счастья, да несчастье помогло. Он оказался загнан в сухое, относительно теплое место, и, устроив гнездо в тряпках, Андрей проспал часа три до тех пор, пока начавшийся день не заставил многочисленных и шумных жильцов этого подъезда высокочить на лестницу и начать беготню и свары над головой Андрея. Андрей вылез из-под лестницы и тут же столкнулся нос к носу с юной девушкой, которая шла с ведром воды. Девица вылила ведро ему под ноги и завопила, словно увидела дракона.

Когда же Андрей, подгоняемый криком, вылетел из подъезда и, движимый инстинктом самосохранения, нырнул в подворотню, он встретился с двумя грузчиками, что несли громадное зеркало в резной раме. Андрея они не заметили, зато он целую секунду мог глазеть на себя. Он не закричал и не убежал подобно той пугливой девице, потому что был смелым и выдержаным мужчиной. Он попытался вжаться в стенку, чтобы его не заметило страшное ночное существо, вурдалак, покрытый густым слоем паутины, тянувшейся за ним белыми кисейными хвостами, лестничной пылью, скрывавшей черты лица и руки, с волосами, стоявшими вертикально и цветом своим и общим видом схожими с громадным куском пакли.

Андрей в ужасе зажмурился, а когда через секунду открыл глаза вновь, то грузчики с зеркалом уже миновали его, и Андрею ничего не оставалось, как поверить в то, что чудовище – не кто иной, как он сам.

Андрей кинулся следом за грузчиками, которые уже внесли зеркало в черный ход гостиницы «Мариано» – там было в тот момент пустынно. Андрей огляделся и, на счастье, увидел то, о чем и мечтать не смел, – туалетную комнату для служебного персонала гостиницы, не только с писсуаром, но и умывальником, возле которого висело вафельное полотенце и лежал обмылок.

С помощью этих предметов, а также расчески Андрей за какие-нибудь две минуты смог привести себя в видимость порядка и, когда вышел вновь во двор, вдруг сообразил, что светит солнце, стало тепло и жизнь замечательна, но зверски хочется жрать.

Несмотря на мытье и чистку, Андрей все равно выглядел сомнительно, и гулять по набережной ему не следовало. Проблемы еды, убежища, тепла оставались – даже газету купить было не на что. Правда, с газетой тут же образовалось – он увидел край газеты, торчащий из урны, и вытащил ее, подумав, как быстро человек, становясь нищим, теряет обычную стеснительность, ограничивающую жизнь добропорядочного обывателя. Сколько раз Андрею приходо-

дилось удивляться тому, как нагло ведут себя бояки, а сейчас он понял, что куда ближе к бродягам, чем к законопослушным ялтинцам.

Газета от 17 апреля 1917 года, судя по бумаге, была относительно свежей – только неясно, вчерашней или ранее. Дело в том, что урна в сквере была тую набита мусором, мусор даже вываливался из нее. Значит, и на самом деле произошли пертурбации, так как при пертурбациях у нас первым делом перестают убирать улицы.

Характер пертурбаций, название которым было «революция», Андрей вскоре извлек из газеты, которая сообщала о дебатах в Петроградском Совете, решениях Временного правительства, приезде в столицу вождей эсдеков Мартова и Ульянова, о митинге у Финляндского вокзала. Тут же следовал комментарий редактора «Таврии», в котором тот убедительно доказывал, что Ульянов и его присные были пропущены через Германию германским правительством, потому что они существуют на немецкие деньги для того, чтобы разорить Россию, а затем передать ее немцам. Но самое ужасное: война еще продолжалась и военные действия происходили как во Франции, так и в Прибалтике.

Миллионы человек сидели в окопах, погибали, страдали от ран, мучились простудой и вшами. О судьбе Николая и царского семейства в газете не сообщалось – так что Андрей не знал, жив ли император или, может быть, его уже обезглавили, как гражданина Людовика Капета.

Странно это было – только вчера Андрей жил, вернее, сидел в тюрьме, в государстве невероятно прочном, тысячелетнем, как Рим, и вечном. Убегая от Бревского, Андрей с Лидочкой вовсе не думали, что такое государство может рухнуть или в нем может произойти настоящая революция.

И вот нет этого вечного государства…

А Андрей, не изменившись, не проживши более дня, оказался вовсе в иной эпохе. Теперь он должен найти здесь Лидочку и попытаться с ней вместе начать какую-то жизнь. Но как искать, если… И только тут Андрей осознал весь ужас событий: ведь она, вернее всего, уже год как здесь! И совсем одна! Андрей опоздал на год! Собирался прыгнуть на два года вперед…

Об этом Андрей подумал, уже стоя на набережной так, чтобы держать в виду древний платан. Дерево еще только распускалось. Листья, легкие, изрезанные, были нежного, салатного цвета.

Андрей понял, что офицеры, идущие по набережной – видно, большей частью выздоравливающие из госпиталей, – выглядели необычно и бедно.

Потом он сообразил: офицеры были без погон. Погоны были сняты совсем недавно, даже материя на плечах мундиров и шинелей была темнее.

Революция.

Солдаты не отдавали офицерам чести – это тоже понимаешь не сразу. Сначала чувствуешь неладное, потом решаешь, что солдат просто задумался и сейчас получит выговор. Но офицер отворачивается, морщится, делает вид, что ничего не произошло, что так и надо.

…Лидочка стольким рисковала, пронося табакерку для Андрея! Но почему ты думаешь, что она решилась последовать твоему примеру?

Ведь в плавании по времени есть одна особенность – его можно отложить. Отложить на любой срок. Потому что жалко оставить папу и маму, жалко расстаться с друзьями, которых, может, и не увидишь через два или три года. Всякое бывает. Почему ты должен плыть один, в неизвестности, во тьме, когда это же путешествие можно совершить со своими близкими и друзьями. Что могло заставить Лидочку кинуть все, чтобы не расставаться с Андрюшей? И имеет ли он, Андрей, моральное право требовать от другого человека подобной преданности? Да, проще всего представить себе, что Лидочка решит ждать Андрея в нормальной скорости бытия. И так прошел год, второй – и природа взяла свое. Лидочка встретила другого человека, может быть, более достойного, чем неудавшийся студент и уголовный преступник. И вышла

за него замуж. И не исключено, что Андрюша сейчас увидит Лидочку на набережной – один ребенок в коляске, второй семенит, держась ручонкой за край юбки. А рядом выхаживает следователь Вревский… нет, это слишком гадко – Лидочка не пойдет на такое. Рядом идет Коля Беккер – вот это вполне возможно!

Незаметно для себя Андрей начал сердиться на Лидочку, словно она уже совершила все те поступки, которые Андрей ей приписал. Он уже ревновал ее к Коле Беккеру. Тут он себя оборвал – нельзя же так плохо думать о людях!

Свернув газету в трубочку, Андрей смело пошел по набережной, не зная, куда идет, и забыв о безопасности, – в голове было пусто и легко, – и это ощущение, вернее всего, проис текало от голода.

Разумеется, у платана Лидочки не было. В любом варианте ее не могло там быть. Сейчас еще утро – в такое время не ходят на свидания.

Андрей решил было пойти домой к Иваницким. Пускай Лидочка все сама расскажет. Он пошел к армянской церкви, но тут же спохватился, сообразил, что если Лидочка последовала за ним и ее еще нет в Ялте, – каким он покажется ее родителям? Конечно, самое разумное сейчас поехать в Симферополь к Марии Павловне, но нищему до Симферополя далеко, как до Луны.

* * *

Утро превращалось в теплый ветреный день, такой весенний, что хотелось сходить с ума, бегать за собаками, прыгать с обрыва вниз… Делать все, что нельзя. Наверное, все настоящие революции должны происходить только весной. Рожденные в такие дни, они вызваны к жизни добрыми, животворящими чувствами. К чему хорошему может привести революция, произшедшая посреди лета в самую жару, как во Франции в 1789 году? Допустима ли революция осенью, в ноябре, когда идет дождь или дождь со снегом и мокрые листья превращаются под ногами в слизь? Такая революция вызовет к жизни людей угрюмых, готовых угнетать своих близких – только чтобы удержаться на своих холодных сумеречных тронах. Нет, осенняя революция немыслима! А что касается русской революции, начавшейся на переломе к марта, можно сказать только, что она поспешила, ей бы подождать, пока кончатсяочные заморозки и прилетят певчие птицы. А то в ней останется внутренняя зябкость и неустроенность для бездомных людей.

Размышляя так, Андрей взбирался в гору. Позади остались парки, примыкающие к набережной, виллы, что скрываются среди кипарисов и чье присутствие выдают лишь каменные ворота в стиле модерн. Остались позади и улички двухэтажных каменных домиков с шумными внутренними дворами либо маленькие пансионаты, которые растянулись на сотни миль по всем берегам Черного и Средиземного морей – от Батуми до Гибралтара, где утром горстка небогатых постояльцев встречается за скучным завтраком, а вечером за невкусным обедом. И ночью, обнимая своего возлюбленного, подруга горячо шепчет ему на ухо: «Уедем! Уедем немедленно из этой дыры! Здесь больше существовать нельзя!»

Выше пошли улички татарских домов, без окон наружу – за дувалами, сложенными из камня. Над дувалами видны вершины фруктовых деревьев, а порой через каменную изгородь свесится виноградная, пока еще даже без листьев, лоза.

Андрей долго не мог отыскать нужный дом, хотя, казалось, дорога к нему два дня назад была проста – ведь никуда не сворачивали. Потом остановился в гнотом, без окон и домов, переулке, словно в траншее, пробитой каким-то землеройным насекомым, и постарался сообразить – ведь был он здесь два с половиной года назад, осенью, вечером. Представь, голубчик, как это могло выглядеть осенним вечером?

Деревянная калитка в доме, к которому направился после некоторого раздумья Андрей, открылась, будто его там ждали.

В калитке стоял, почесывая босыми пальцами одной ноги икру другой, юноша – Андрей сразу его узнал: ведь видел его подростком всего два дня назад. Это был ялтинский родственник Ахмета, который приносил им тогда фрукты и напиток.

– Добрый день, – сказал Андрей.

– Добрый день, – как эхо, только тоном выше, подхватил юноша.

– Я ищу Ахмета Керимова, – сказал Андрей.

Юноша ничего не ответил, а отвел взгляд в сторону, будто его заинтересовали голуби, опустившиеся на забор.

– Вы меня слышите? – сказал Андрей. – Я ищу моего друга, Ахмета Керимова. Я друг Ахмета Керимова. – Андрей готов был говорить по складам, чтобы вбить слова в упрямую голову юноши. – Мне нужно видеть Ахмета. У меня к нему важное дело.

– Что такое? – раздался голос из глубины двора. Спрашивали по-татарски. Андрей отлично понимал и говорил по-татарски. Как и Коля Беккер. Татары в Ялте были глубоко убеждены, что русские их языка не знают – то ли не способны, то ли им не дал такого счастья Аллах. И им странно даже допустить, что в том же Симферополе татары и русские, одинаково небогатые, живут рядом в одинаковых скромных домах и вместе играют и учатся. Ведь на Южном берегу Крыма русские – это большей частью отдыхающие или болезненные люди. И их дети, конечно же, не играют с татарами.

– Тут пришел человек, – ответил юноша.

– Зачем пришел?

– Хочет видеть дядю.

– Откуда пришел?

Рядом с юношей в проеме показался пожилой татарин, который щелкал орешки. Его лицо тоже было знакомо Андрею. Он холодно смотрел на Андрея, который поклонился ему.

– Простите, – сказал Андрей все так же по-русски. – Я был в этом доме давно, осенью четырнадцатого года. Мы приезжали сюда, к Ахмету. Ахмет мой друг. Потом приехала полиция, нас схватили и увезли. Но Ахмет убежал. Вы помните?

– А что тебе нужно? – лениво спросил пожилой татарин.

– Мне нужен Ахмет Керимов.

– Я не знаю такого человека, – сказал пожилой татарин. Но калитку они не закрывали.

Хотели послушать, что еще скажет Андрей.

– Я убежал из полиции, – сказал Андрей. – Я давний друг Ахмета. Я был у него в доме в Симферополе.

– Странный человек, – сказал юноша по-татарски, глядя мимо Андрея. – Ему сказали, а он не понимает. Это нехорошо.

– Вы мне не доверяете, – сказал Андрей. – Может быть, вы правы. Но тогда позвольте мне написать письмо для Ахмета. Когда он придет к вам, вы дадите ему мое письмо.

– Я не знаю Ахмета, – сказал пожилой татарин.

– Но вы возьмете мое письмо?

– Я не возьму письмо, – сказал татарин и ушел внутрь двора.

– У вас есть бумага и карандаш? – спросил Андрей.

– Откуда в нашем бедном доме карандаш и бумага? – спросил юноша.

– К сожалению, у меня сейчас нет денег, – сказал Андрей. – Дайте мне взаймы лист бумаги. Потом я верну.

– Пускай пишет, – донесся голос изнутри. – Проведи его на айван, пускай пишет.

Андрей тут же сделал движение вперед и этим удивил юношу.

– Ты куда? – спросил тот.

– Я хочу пройти на айван, – сказал Андрей по-татарски, – чтобы ты принес мне карандаш и бумагу и я написал письмо твоему дяде Ахмету.

– Что? – Юноша был потрясен.

– Сколько тебе говорить? – Андрей отстранил его.

Юноша молча шел следом.

На галерее Андрей увидел низкий столик. Женщины, что выбивали ковры, быстро ушли со двора, прикрывая лица платками, но смотрели на Андрея заинтересованно и весело. Он отметил, что вон из дома не пригласили.

Пожилой татарин встал в отдалении.

– Вы желаете есть? Или пить? – спросил он.

– Спасибо, я выпью катыш. – Андрей решил, что к кумысу принесут лепешку.

Он написал записку Ахмету. В ней сообщил, что приехал в Ялту. Ждет Лидочку. Хотел бы видеть Ахмета. Что он придет за ответом завтра.

Когда он кончил писать, юноша принес поднос с оловянным кувшином с кумысом и лепешку на тарелке.

Из-за занавески, прикрывавшей вход в дом, был слышен женский смех. Малыш на толстых, перетянутых ниточками ножках приковылял на веранду и замер в изумлении перед зреющим настоящего чужого человека. Он протянул руку к блестящей пуговице на тужурке Андрея.

Андрей старался пить кумыс медленно, чтобы съесть побольше лепешки, не показавшись голодным, – из-за занавесок за ним наблюдали.

Пожилой татарин кончил читать записку, передал ее юноше, который унес ее в дом.

– Может быть, Ахмет завтра придет, – сказал пожилой татарин. – Может, не придет. Тебе есть где жить?

– Я еще не знаю, – сказал Андрей.

– Мы не можем оставить тебя здесь. За этим домом могут следить.

– Даже сейчас?

– Может быть. Тебе нужны деньги, эффенди?

– Я буду благодарен вам, – сказал Андрей.

Татарин протянул Андрею двадцать пять рублей. На устах императора Александра II блуждала загадочная улыбка.

– Я тебя помню, – сказал татарин. – Ты Берестов. Андрей. Ты убил своего отчима и его женщину.

– Это придумали. Я никого не убивал.

– Ахмет тоже так думает. Значит, я тоже так думаю. Завтра приходи вечером, когда темно, и не приведи за собой никого.

– Хорошо, – сказал Андрей.

* * *

Обретенная вера в человечество, подкрепленная кумысом, лепешкой и двадцатью пятью рублями, сразу изменила краски мира на куда более радужные. В конце концов, все складывается отлично. Татары узнали его и оказались людьми порядочными, и Ахмет, разумеется, скоро появится. Впрочем, при таких деньгах мы – миллионеры! Денег должно хватить до Симферополя – до тети Маруси.

Андрей понял: вот чего он хочет более всего – увидеть тетю, посидеть с ней за чаем в низенькой комнатке в Глухом переулке, а потом заснуть на своей железной койке с шарами на спинках, из которой он давно вырос, но так привык поджимать ноги, что поджимает их и на вольных диванах.

– Значит – в Симферополь! А пока хорошо бы взглянуть на дом Берестовых.

Андрей поднимался по улице к дому отчима, не таясь и, в общем, не опасаясь нежеланной встречи. Он был здесь чужой.

Осознание собственной чужеродности пришло не сразу – только сейчас, когда большая часть дня уже миновала.

В Андрее все более накапливалось реальное осознание прошедшего времени. Оно складывалось из малых деталей – из того, как вырос татарский мальчик, превратившийся за несколько минут в юношу, из того, как облупилась краска на новеньком вчера фасаде гостиницы «Крым», как изменились – сказочно и невероятно – газеты и те новости, что они сообщали. Как изменилось все – подчеркивая этим, что совсем не изменился Андрей. И не только осталась царапина на тыльной стороне кисти, не только не постарела кожа лица – не одряхлела одежда. Нельзя же носить студенческую тужурку два с половиной года и вовсе ее не износить! Нельзя же – Андрею даже стало на секунду смешно – не менять столько времени нижнего белья и не заметить такого конфузя. Люди вокруг за это время сменили множество носков и панталон. Все, за исключением Андрея Берестова. И, вернее всего, Лидии.

Почему человек, думал Андрей, карабкаясь в гору и отступая к каменной подпорной стенке, чтобы пропустить громоздкий грузовик – такого он в четырнадцатом году и не видал, – так привыкает к тому, что должно бы вызвать в его душе переворот. Почему он идет по городу Ялте уже после революции, как Рип Ван Винкль, проснувшийся после многолетнего сна, но не падает в обморок, а лишь отмечает, как счетовод: грузовик совсем другой, юбки стали по крайней мере на пядь короче, и непривычному к такому зрелищу Андрею хочется деликатно отвернуться от девицы, которая топает ему навстречу, заголив ноги почти до колен.

…А вот и дом Берестовых.

Вот кто изменился за эти годы – родной, несчастный, такой невезучий дом. В нем новый хозяин – интересно, у кого они купили этот дом? У Андрея Берестова – нет, он преступник, значит, у Марии Павловны – но ее могли и не признать наследницей, – может быть, виллу откупила Ялтинская управа? Впрочем, тебя, Андрей, это не касается.

Андрей остановился у невысокой каменной изгороди. Новый хозяин почему-то выкорчевал розарий и гибридные яблони – все свободное место он засадил виноградом: получилась целая плантация.

Андрею захотелось поглядеть на нового хозяина, который так глуп, что срубил яблони и розарий, давшие бы ему куда больший доход. Но хозяина он так и не увидел – зато во двор вышла хозяйка, очень толстая гречанка или армянка со множеством детей. Они суетились вокруг нее, как муравьи вокруг скарабея.

«А она спит в моей комнатке, – подумал Андрей, – а может, там спят сразу трое ее детишек? А что же они сделали с мебелью? Продали, вот что сделали!..»

Андрей, не оборачиваясь, пошел прочь от дома, расстроенный более чем когда-либо за этот день, потому что он воочию увидел, что сделало время с дорогим для него местом, – и тут же уколола злость на Лидочку – не утащила бы она его сюда, он, может быть, что-нибудь сделал бы с домом, спас его.

Ему не хотелось сейчас думать о том, что он сидел бы в тюрьме. Как можно думать о тюрьме, если ты идешь по весенней улице?

Несмотря на укол злости, а может, благодаря ему, Андрей вместо того, чтобы сразу идти к линейкам, вдруг побежал к армянской церкви. Чтобы случайно не встретить кого-нибудь из Иваницких, он выбрал путь задами, к садику дома, где стоит беседка, в которой Лидочка с Хачиком когда-то ждали его.

Уже начало вечереть – весеннее солнце опустилось в пышную подушку облаков. Сразу похолодало. Андрей уверенно добрался до последнего забора и, прежде чем перелезть через него, заглянул внутрь. И увидел, что в окне Лидочки уже зажегся свет, – там мальчик, который

поставил лампу на стол, склонился и что-то пишет. А в саду, приведенном в порядок и подмеченном, бегают сразу трое мальчиков.

– Молодой человек, – окликнул одного из бегающих мальчиков Андрей.
Откликнулись сразу все – три схожие физиономии обратились к нему.
– Здесь Иваницкие живут? – спросил Андрей, показывая на второй этаж дома.
– Здесь мы живем, – строго сказал мальчик.
– А как ваша фамилия?
– Мы Гидасповы, – сказал старший мальчик.
– А где же Иваницкие? – спросил Андрей.
– А Иваницкие живут в Одессе.
– И давно они живут в Одессе?
– А мы не знаем, – взял на себя инициативу младший брат, – мы приехали, а они уже уехали.
– Так откуда же ты знаешь, что они в Одессе?
– Так все говорят! – обрадованно сообщил средний брат.
– И Лидочка?
– Кто?
– Дочка у них, Лидочка, – сказал Андрей, понимая, какую глупость он несет, – откуда детям знать про Лидочку.
– Нету у них дочки, – сообщил старший брат. – Утонула она. В море. Это страшная трагедия.
– Они покинули Ялту, чтобы не видеть этих страшных мест, – сказал младший.
И по словам, и по интонации Андрей понял, что мальчики буквально цитируют слова взрослых – те, что они слышали тысячу раз. Он так и представил себе: пришли очередные гости, садятся за самовар, а мама Гидаспова или папа Гидаспов говорят: «А знаете, кто жил здесь раньше? Нет? Это же удивительная, трагическая история! Страшная трагедия...»
– Спасибо, – сказал Андрей мальчикам. – Идите домой, а то замерзнете.
– А мы лучше знаем, – ответил строго старший.

* * *

На поездку в Симферополь пришлось выложить почти все деньги – только и осталось, чтобы перекусить на площади перед автобусом. Автобус вроде был тем же самым, что ходил здесь в начале войны, но был ободран и помят, словно приходился братом-неряхой пай-автобусу.

Автобус был набит. Настолько, что Андрейостоял до Алушты на одной ноге между сдвинутыми в бастион мешками и крепостными стенами чемоданов. И народ в автобусе изменился – куда-то делись отыхающие, люди воспитанные, чисто одетые и в основном добродушные. Зато возникла и наполнила автобус малороссийская чернь, громкоголосая и агрессивная, появились и цепкие, голодные, ободранные жители грязных городков Донбасса и южной России.

Да и кондуктор за прошедшие годы приспособился к новым людям и новым нравам. Он ловко карабкался по баррикадам, кричал и ругался, как торговка на базаре.

Путешествие оказалось страшно утомительным, и, когда, уже в темноте, под мелким моросящим дождиком, добрались до Симферополя, Андрей оперся о стену дома, чтобы кровь снова потекла по венам. Последний час он даже сидел, но на одной его коленке разместилась половина бравого казака, а на второй – бидон с медом.

Отдышавшись, Андрей пошел к себе домой.

Вечер скрывал изменения в Симферополе, даже если они и были значительны. Тем более что фонарей на улицах осталось немного – в каждую революцию фонарям достается прежде всего.

Над губернаторским домом висели красные флаги, и у освещенного входа, несмотря на поздний час, стояли солдаты с винтовками.

К входу подъехал автомобиль с глядевшим назад пулеметом на заднем сиденье. В автомобиле рядом с шоффэром сидела некрасивая худая женщина с прямыми, коротко постриженными волосами. Она легко соскочила на тротуар. Женщина была в кавалерийской шинели, которая достигала земли, и полы ее развевались на ходу.

Показавшийся на пороге губернаторского дома пожилой сухой человек в пенсне сказал с прибалтийским акцентом:

– Товарищ Островская, это никуда не годится. Ни вас, ни мотора – с утра! Нам же выезжать!

– Товарищ Гавен! – залепетала Островская. – Я была в типографии. Вы же знаете ситуацию.

Они вошли вдвоем в дом, и солдат отдал им честь. Оживленно разговаривая, скрылись в здании.

Это был совсем другой мир – словно он, Андрюша, был французским матросом, ушедшими в плавание за год до Великой революции, и вернулся прямо на Греческую площадь, чтобы увидеть казнь Людовика и обнимающихся Дантона и Робеспьера.

Андрей остался бы здесь поглядеть на этот новый мир, но он так устал, что решил отложить знакомство с революцией на завтра. А сейчас объятия Марии Павловны – и спать, спать, спать…

Но здесь его постигло горькое разочарование.

Дом был заперт, причем замок даже проржавел. Андрей стучал, потом пытался сломать замок, но тщетно.

Он так обессилел, что, не добившись ничего, сел на каменную тумбу возле своих ворот. Там его и увидела Нина Беккер, которая возвращалась домой из Думы, где служила теперь машинисткой.

Она отпрянула, увидев черную фигуру, сидящую у соседних ворот, – чуть было не убежала. Но потом угадала Андрея.

– Андрей Сергеевич, – сказала она, – неужели это вы?

– Нина! Здравствуй. Что случилось? Где Мария Павловна?

– Пошли ко мне, – сказала Нина, – пошли скорее, ты же простудишься, тут очень холодно.

– Где тетя, скажи мне, в конце концов!

– Тети твоей нет, ты извини меня, но я ничем не могла помочь, я даже не знала. Она сразу умерла, очень легко, почти не мучилась, честное слово, Андрей Сергеевич.

– Какой я тебе Андрей Сергеевич! – вдруг озлился Андрей. – Мы с тобой одногодки были.

– Да, конечно, вы меня извините, Андрей Сергеевич, но прошло столько времени, столько лет…

– Да, конечно, – сказал Андрей. – Значит, моя тетя умерла?

– В прошлом году, Андрей Сергеевич.

– От сердца?

– У нее была грудная жаба. Но она совсем не мучилась.

– Спасибо. А где ключ? Или кто-то живет?

– Нет, что вы, никто не живет! А ключ знает где? Ключ в бывшем полицейском участке. Это теперь государственная стража, милиция. Но вам туда нельзя ходить, пошли лучше к нам, я теперь совсем одна, я вас в Колиной комнате устрою и все расскажу. А второй ключ у меня есть. Мария Павловна будто знала, что вы зайдете.

И Андрей понял, что Нина права. Это был все же родной дом и Нина – родная душа.

Нина вскипятила воды, налила цинковую ванну, чтобы Андрей помылся с дороги. И он не отказался. А пока она готовила ванну, он пил чай за столом, накрытым ради его приезда белой застиранной скатертью, и закусывал чай сухим печеньем, хотя предпочел бы, чтобы Ниночка сварила ему котел картошки. И чай был скуден, и сухарики, и Нина была худа, бледна и бесцветна. А в доме все углы были темными, и в них таились тени вековой бедности и ожидания перемен. Именно здесь, слыша, но не слушая, как говорит, говорит, говорит Нина, Андрей вдруг глубоко, как никогда раньше, понял Колю Беккера, его постоянное стремление вырваться из этого мира пыльных привидений и летучих мышей, от которых остался только неслышный шум крыльев. Коля не мог убить этот мир, потому что он был частью его, и он носил его постоянно – а как трудно было поддерживать в белоснежной чистоте белый костюм и светлуу улыбку, когда за ночь пыль разъедает и материю, и душу. Если бы Андрей попал сюда – всю жизнь посвятил бы, чтобы убежать и вытащить отсюда Нину… а получилось, что дом этот, как гиля, тянул назад и темные углы втягивали живых – маму, отца, пленили Нину и чуть было не заключили в камеру с паутинными решетками самого Колю, навсегда испуганного этим домом, ненавидящим его, как можно ненавидеть посланного небом идиота-сына, которого и убить нельзя, иначе кого же тогда любить?

– Андрюша, ты меня слушаешь?

– Слушаю, Нина, слушаю.

– Утром соседка постучалась в окно и видит – Мария Павловна лежит на кровати, не раздеваясь, – видно, прилегла на минутку. А лицо у нее такое спокойное и совершенно умиротворенное. Она не мучилась, а встретила смерть смиренно, как подобает христианке, и слышала пение ангелов…

Оказывается, когда Мария Павловна совсем разболелась и почувствовала, что ее смерть близка, она написала завещание, в котором передавала все свое небольшое имущество, а главное – дом, Андрею Берестову. И никто до его возвращения не должен был входить в дом или что-нибудь в нем менять. Завещание это было воспринято скептически, потому что никто не верил в возвращение Андрея. Но оспаривать его не стали – у тети не было других наследников, да и наследство ничего не стоило. Правда, ключ от дома пришлось передать в полицию, потому что Андрей продолжал оставаться в бегах. Если он возвратится, то должен будет получить ключ в полицейском участке.

Потом Мария Павловна призвала к себе Нину и отдала ей вторые ключи от ворот и дома для Андрея, чтобы, вернувшись, Андрей мог без помощи полиции прийти в свой дом…

Нина достала ключи из нижнего ящика комода, где хранила их под бельем, но сейчас, когда уже стемнело, не было смысла идти к себе домой. Дом промерз за зиму, там холодно и темно. А свечу не зажжешь – сразу заметят соседи и могут позвать полицию. Так что визит домой лучше перенести на утро. На чем и порешили.

Нина рассказала, что Коля переехал в Севастополь, – оттуда он написал ей поздравление ко дню ангела, но обратного адреса не оставил, потому что находится на секретной службе. Андрей улыбнулся – он понял, что Коле просто не хотелось, чтобы Ниночка нагрянула к нему – наверное, он своим коллегам и товарищам рассказал, что его сестра – баронесса ослепительной красоты, а теперь не желал, чтобы объявилась эта баронесса в потертом мамином салопе.

Сидеть здесь весь вечер и слушать скучные рассказы Нины Андрей был не в силах. Он сказал, что пойдет погулять.

– Я с тобой, – сразу сказала Нина.

– Нет, – возразил Андрей. – Если меня кто-нибудь узнает, то придется убегать, а ты не умеешь бегать.

– Но мы погуляем здесь, подальше от центра.

– Именно в центре мне и хотелось побывать.

Нина замолчала. Ее никогда не приглашали гулять, она привыкла к этому, но все равно каждый раз обижалась.

– Шла бы ты в монастырь, – не очень деликатно сказал Андрей, натягивая тужурку. – Там и дело, и забота, и не скучно.

– Мне нельзя, – возразила Нина, – у меня хозяйство, дом. К тому же я замуж пойду. Я буду хорошей хозяйствкой, не веришь?

– Верю.

Провожая, Нина умоляла Андрея, чтобы он не ходил темными переулками – там грабят. Она даже стала рассказывать, кого и когда ограбили, но Андрей уже не слушал.

Он оглянулся от угла – Нина стояла у ворот и смотрела ему вслед. Господи, подумал Андрей, до чего же ей одиноко!

Фонарей в городе стало втрое меньше, да и те, что были, горели плохо. Прохожих было мало – и только мужчины. На Пушкинской, у витрины – Андрей запомнил этот момент – ему вдруг стало страшно в этом чужом обреченнем городе, и он поспешил обратно.

Нина ждала его за калиткой. Вернее всего, она так иостояла за калиткой те полтора часа, что Андрей гулял. Увидав вопрос в глазах Андрея, она быстро сказала:

– Прости. Мне стало так скучно, что я вышла тебя встретить. Минуту назад.

Она шла рядом с ним, говоря монотонным высоким голосом:

– Знаешь, Андрюшенька, когда я обыкновенно живу, приду со службы и от усталости буквально валиюсь – нарочно так, чтобы не скакать. А сегодня ты приехал и сидел, чай пил, а я поняла, что завтра ты уедешь, и такое одиночество на меня напало, ты просто не представляешь.

– Представляю, – искренне сказал Андрей. – Тебе замуж пора.

– Ох, кто меня возьмет, я же некрасивая, – сказала Ниничка. – Сам же мне монастырь предлагал. Я понимаю.

– Это неправда, – сказал Андрей почти убежденно, – для того чтобы выйти замуж, быть счастливой и сделать счастливым другого человека… – Андрей перевел дух, словно говорил с амвона перед онемевшей аудиторией старых дев, – не нужна яркая красота. А ты привлекательная и умеешь вести дом…

– Я всю жизнь мечтала о горничной, я ненавижу мыть пол. Кто мыл пол, тот никогда не станет богатым.

– Прекрати эти пустые речи! – сказал Андрей. – Я тебе даю слово, что ты еще найдешь свое счастье. Вот посмотри, я сам не такой уж красивый, а ведь не расстраиваюсь.

– Вот и возьми меня замуж, – сказала громко Нина, и после длинной неловкой паузы она покраснела, пальцами стала поправлять завязки пелерины и сказала: – Ты только не воображай, что я серьезно, я просто тебя поймала на лжи. Ты солгал мне.

– Нет, – сказал Андрей, – я не лгал. Но мое сердце обещано другой девушке. Я не могу ее обмануть.

– И где же она? – спросила Нина со злостью. С такой неожиданной злостью, что Андрей, не понимая, против кого она направлена, осекся. Потом сказал:

– Вот если у нас с ней не получится, я приеду к тебе и женюсь.

– Слово? – спросила Нина.

– Слово, – сказал Андрей.

Они вернулись в скрипучий паутинный дом.

Ниничка достала чистое белье и постелила Андрею в комнате Коли. Они говорили о разных людях – больше о тех, кого уже нет, – так получилось, что вокруг обоих была пустота. Но если Андрей мог увидеть и понять одиночество Нины – оно было на виду, на глазах, то Нина многое не знала об Андрее. И разговаривала с ним как со старшим – а Андрей уже стал моложе ее.

Нина спала в маминой комнате.

Андрей сел на Колину кровать, узкую и скрипучую, и увидел, какой толстый слой пыли на письменном столе и какая густая паутина в углу комнаты. Он хотел было сказать Нине, что если ее и не возьмут замуж, то из-за этой паутины и пыли, но потом подумал – она обидится. Ведь она думает, что эта пыль и запущенность от бедности.

– Я хотела сдавать, – сказала Нина из-за перегородки – Андрей уже погасил лампу у себя, дверь в соседнюю комнату была открыта, и была видна длинная тень Нины, которая ходила там, раздевалась, что-то еще делала, порой заглядывала в комнату к Андрею. – Сейчас в Симферополе довольно много приезжих – с севера едут, тут теплее и сытнее, можно сдать, но как-то даже на вокзале предложила одной паре – милые такие люди, но им не понравилось: они сказали, что представляли все каким-то горным, южным, а здесь почти подвал. Больше я не сдавала, не предлагала. Впрочем, мне много не нужно – на хлеб хватает, и Бог с ним… – Последние слова звучали совсем уж по-старушечьи.

Андрей ничего не сказал.

– Ну что ж, будем спать, – промолвила Нина. Заскрипели пружины ее кровати. Потом, как шуршание бумаги, – ее шепот – она молилась.

За окном было синее небо и на нем – как нарисованная – луна. Точно такой же вид был и из его окна – окна их выходили в одну сторону.

«Вот сейчас в соседней комнате лежит девушки, которая мучается от того, что она одиночка, и никто не хочет ее обнять, целовать, сделать женой. И может быть, она даже ждет, что я приду к ней, – ведь она оставила дверь открытой. А совсем недавно я сам мучился – я хотел, чтобы меня целовала Глаша, – и Глаши нет давним-давно. У меня еще не зажила царапина на пальце, а Глаша уже превратилась в прах».

Заскрипела кровать в соседней комнате.

– Ты не спиши, Андрюша? – спросила Нина.

Андрей не хотел было отвечать, а потом подумал, что этим он может обидеть Нину.

– Нет, не сплю, – сказал он.

– А какая она, твоя девушка? Я ее знаю? Она здешняя?

– Нет, она из Ялты.

– Коля мне говорил о ней?

– Может быть. – Андрей не стал спорить, но он знал, что Коля никогда не делился с сестрой своими тайнами. И относился к ней снисходительно, а порой и с презрением.

– Ты любишь ее как женщину или платонически?

– По-разному, – сказал Андрей. – Когда как…

– А вы были… вы были с ней близки?

– Нет, – сказал Андрей и удивился собственному ответу – об этом он не думал.

– Если ты был близок с другой девушкой, ты бы ей не изменил?

– Не знаю, – сказал Андрей.

Кровать Нины заскрипела резко, как будто она подпрыгнула на ней. Но тут же зашлепали шаги – оказывается, Нина пошла на кухню. И слышно было, как журчит вода, – она наливала себе из чайника.

– Ты хочешь пить? – спросила Нина громко.

– Спасибо.

– Так принести или нет?

– Спасибо, принеси.

Нина вошла, подобная привидению. Нечто белое, высокое, грациозно плывущее в воздухе, чуть касаясь земли.

Она была в одной рубашке. Волосы были распущены.

Луч лунного света, упавший на нее, высветил голубизну лица и ослепительно вспыхнул в стакане с водой.

Андрей привстал – неловко принимать от дамы воду лежа, если ты не болен, но, привстав, он замер, так как понял, что совсем обнажен и его движение может быть неправильно истолковано.

Нина присела на край кровати, и жидкие пружины сжались так, что Андрей съехал к краю, навалившись бедрами на Нину, но та словно не заметила этого и, наклонившись, подложила ладонь под затылок Андрея, приподняла его голову, чтобы удобнее было пить, – от этого движения висок Андрея коснулся ее груди – от Нины исходил такой жгучий жар, что Андрею почудилось: вода сейчас окажется горячей. Но вода была прохладной.

– Пей, – шептала Нина, – пей, мой милый…

И в шепоте было столько страсти, словно Андрей пил не воду, а амброзию, после чего должен кинуться в вакхические пляски…

Парадокс этой сцены был в том, что Андрей даже в горячей, шипучей темноте отлично знал, что на постели, прижимаясь к нему бедром и грудью, сидит сестра Коли, существо некрасивое, доброе и обделенное жизнью. Он отлично понимал, что Нина ждет от него ласки, что ей страшно и одиноко в этом пыльном паучьем доме, но Андрей не мог соответствовать ей.

– Ты напился? – спросила Нина.

– Спасибо.

Нина молчала. Андрей слышал, как она дышит, – легко, но часто, как собака, учтившая хозяина.

– А ты Колю давно видела? – спросил Андрей.

– Он в Севастополе, – сказала Нина. – Он поступил во флот.

– Это очень интересно, – сонно сказал Андрей.

Он со вкусом потянулся в постели – пружины взвизгнули от такого насилия.

– Ну, спокойной ночи, – сказал он.

– Спокойной ночи, – печально сказала Нина.

Андрей стал уже засыпать. Завтра с утра надо пойти в свой дом, может быть, там есть какие-нибудь вести от тети Маруси или от Лидочки. Тетя Маруся с ее любовью к письмам наверняка оставила ему весточку. И Андрей даже знал – где. В правом ящике его письменного стола. Как всегда. Об этом только они с тетей Марусей знали… И что же, она больше не напишет?..

Мысли покатились куда-то с горки… Но тут кровать вздрогнула, Андрей чуть не свалился – так резко вскочила Нина.

– Я тебя ненавижу! – закричала она.

Андрей рывком сел на кровати, не совсем соображая, что произошло.

– За что? – глупо спросил он.

– Как ты смел… как ты смел захрапеть?

Нина рыдала в той комнате, но Андрей не решился ее утешать.

* * *

Когда Андрей проснулся, его взгляд упал на вершины тех же тополей, что росли и перед его окном. Но он спал не дома, а в комнате Коли Беккера, и ночью случилась глупая история с Ниной, и та на него обиделась. Наверное, она права, потому что, окажись на ее месте красивая девушка, он вел бы себя иначе.

Андрей спустил ноги на пол и встал, стараясь не шуметь.

Затем быстро оделся и прошел в большую комнату. Там было пусто. Дверь в маленькую комнатку, где спала Нина, была открыта. Кровать ее измята, не убрана, но Нины не видно.

Андрей обошел весь домик – благо там негде было спрятаться. Никаких следов Нины. Какая-то тайна «Марии Целесты». Андрей прошел на кухню. Чайник был холодный. Часы с маятником в большой комнате прохрипели восемь раз. На вешалке в прихожей было несколько разных пальто, плащей, накидок различной степени ветхости.

Тогда Андрей пришел к выводу, что Нина побежала с утра на базар, чтобы что-нибудь купить гостю на завтрак. Неизвестно было, сколько ждать хозяйку, и Андрей, умывшись, решил, что, пока суд да дело, он сходит к себе. Он взял ключ со стола и натянул тужурку.

Выходя из калитки, он посмотрел в обе стороны вдоль переулка, не желая, чтобы его увидели, – Бог его знает, какие указания дал Вревский на подобный случай. Переулок был пуст, заборы высоки, и вряд ли кто увидит его из окна.

Андрей вошел в калитку своего дворика. Здесь следовало быть осторожнее, потому что в этот же двор выходили окна соседнего дома. Но терять нечего – и Андрей быстро прошел к чуть покосившейся двери. Рука с трудом повернула ключ в заржавевшем замке. Андрей потянул дверь на себя, она нехотя открылась, и изнутри дома повеяло подвальным сырым холодом.

В прихожей было темно, и влажный холод отбил знакомый запах дома.

Андрей вошел в маленькую гостиную. Здесь было еще холоднее, чем в прихожей. Стол был без скатерти – темный и сырой, зеркало запотело – наверное, из-за того, что сквозь щели в окнах в зимний мертвый дом начал проникать весенний теплый воздух.

Вещей стало куда меньше – видно, многое из мелочей добрые соседки разобрали по домам. Андрей заглянул в комнату тети – ее кровать была аккуратно заправлена, но не так, как это делала тетя Маня. Андрею стало больно. Наверное, потому, что кровать – это самое свое. И если ее заправили не так, как привычно, значит, тебя уже нет окончательно.

Андрей стоял, глядел на тетину кровать и плакал. Он сам не замечал, что плачет. Он, наверное, лет пять уже не плакал. А тут заплакал. Только когда слеза покатилась по щеке и капнула на руку, Андрей понял, что плачет, и перестал плакать.

Надо взять с собой тетину фотографию – где же альбом? Вот он, под зеркалом в большом ящике вместе с девичими дневниками тети, которые она вела лет сорок. Альбом распух от фотографий-визиток толстых дам и суровых чиновников, групповых и семейных снимков на картонных паспарту со множеством медалей на обороте над именем и адресом фотографа.

Андрею жаль было оставлять альбом здесь, в холода и сиротстве. Но взять его с собой он не мог. Андрей перелистал его и отобрал две фотографии тети Мани – девичью и взрослую в пенсне, а также снимок матери, неудачный, расплывчатый. Почему-то мать не любила фотографироваться, или, может быть, фотографии ее остались у Сергея Серафимовича? Почему мы ни о чем не думаем вовремя? Где их теперь искать?

Была ли в альбоме фотография отца, Андрей не знал. Об отце в доме не говорили.

Закрыв альбом, Андрей хотел было положить его обратно, но тут из него выпала фотография-визитка Сергея Серафимовича, будто просила забрать и ее. На визитке Сергей Серафимович был куда благообразнее и гладче, чем в жизни.

Андрей огляделся и вдруг понял, что больше он сюда никогда не попадет. И тогда дом показался ему схожим с тонущим кораблем. И прежде чем волны времени поглотят его окончательно, требуется спасти с него самое необходимое.

Осознав это, Андрей поспешил в прихожую, вытащил с низких антресолей старый чемодан и, открыв его посреди комнаты, стал складывать в него вещи, которым нельзя было умирать.

Первым в чемодане оказался альбом, потом любимые тетины подсвечники, некоторые книги и старые тетрадки Андрея. Андрей открывал ящики столов и комода, он укладывал в чемодан, почти не глядя, лишь самое ценное – и чемодан распух так, что потом пришлось сесть на него, чтобы запереть.

Отдельно Андрей взял пакет, ожидавший его в нижнем правом ящике стола. На пакете было написано: «Андрюше в собственные руки». Там были письма от тети Маруси – она, оказывается, два года писала Андрюше, раз в неделю, глубоко убежденная, что Андрюшу, когда он вернется, будут интересовать новости Глухого переулка и некоторых других мест города Симферополя. Но о Лидочке в письмах не было ни слова. Лежали там немногочисленные «ценные бумаги» тети Маруси и облигации военного займа.

Там было завещание тети Маруси, завернутое и выправленное по всем правилам. По нему Андрей становился наследником всего ее имущества. И что трогательно, в пакете было новое портмоне, как бы напутствие молодому человеку, а также наличные деньги, более ста рублей пятерками и трешками, а в отдельном кармашке даже мелочь – все предусмотрела дорогая тетя.

* * *

Андрей не стал задерживаться в Симферополе. Лидочки здесь не было. Он отволок чемодан к Нине и оставил его с запиской – просьбой сохранить.

Обратно в Ялту Андрей поехал на извозчике с ночевкой в Бахчисарае.

К Ялте подъезжали в сумерках. Извозчик перестал рассуждать, тоже уморился – ему приходилось многократно слезать и идти рядом с лошадью, помогая ей.

Вокруг щебетали миллионы птиц, празднуя весну, жужжали первые насекомые – будто и тут бушевала революция.

На всей дороге встретилось лишь две маленькие деревни да усадьба лесника, который вышел к ним, узнал извозчика, поздоровался. Они поделились с лесником табаком, лошадь отдохала, лесник говорил, что здесь еще недавно была банда, «ваша, татарская», но вроде бы милиция третьего дня их прогнала.

Они поехали дальше – скоро должна была быть яйла, оттуда начнется спуск к Ялте. Полдень уже миновал.

Лошадь совсем уморилась. Андрей сошел с пролетки и шагал рядом, тем более что было приятно вдыхать морской воздух.

С горы скатывались серые быстрые облака, которые скользили по вершинам деревьев.

Когда впереди, на очередном повороте Андрей увидел двух всадников, они показались порождением тумана, столь неподвижны и неслышны они были.

Но татарин-возчик сразу начал осаживать лошадь и заговорил, словно обращаясь к языческим богам, обитающим тут. Он твердил, что у него ничего нет и у пассажира ничего нет, что можно все карманы показать, но всадники не двигались и ничего не отвечали.

Один из всадников соскочил на дорогу и быстро подошел к повозке. Он был в военной одежде без погон.

Андрей узнал его, когда он подошел к самой пролетке, улыбнулся и сказал:

– Подвинься, чего расселся, граф Монте-Кристо!

Затем Ахмет впрыгнул в пролетку и крикнул возчику по-татарски:

– Гони, друг! Тебе повезло, что встретил Ахмета Справедливого!

Возчик изобразил неестественную радость по поводу этого события. Пролетка тронулась, а второй всадник с лошадью Ахмета на поводу поехал сзади.

– Ну, ты совсем не изменился, покойничек! – сказал Ахмет. – Совсем такой же.

– А ты возмужал, – сказал Андрей.

– Правильная формулировка, – сказал Ахмет.

Он отпустил усы, на голове у него была низко сидящая небольшая каракулевая папаха, в углах глаз и губ обнаружились первые морщинки – возможно, не от возраста, а от жизни на свежем воздухе, под ветром и дождем.

— Мне сказали, что ты приходил, — сказал Ахмет. — Только я не смог в тот же день тебя найти. Занят был. Не сердись.

— За что я могу на тебя сердиться? — Андрей был рад, что увидел Ахмета и тот тоже обрадовался.

— Ты в глубине души думаешь, что, когда ты, белая кость и голубая кровь, свистнешь, татарские мальчишки должны бежать с кувшинами мыть тебе ноги, — не отрицай, не спорь! Я люблю страдать от унижений.

— Как ты меня нашел?

— Мне вчера сказали, что ты отправился в Симферополь. Я послал туда телеграмму, и мне ответили, что утром тебя видели у Марии Павловны в доме.

— Я все забываю, что мы живем в двадцатом веке.

— А где ты пропадал столько времени?

— Далеко, — сказал Андрей. — Потом расскажу.

— А как Лидочка?

— Она должна сюда приехать. Я буду ждать. Только я не знаю точно, когда она приедет.

— Вряд ли тебе разумно ждать на виду у всех. Обвинений с тебя никто не снимал.

— Знаю, Ахмет. Наверное, мне следует пожить в деревне неподалеку от Ялты. Ты сможешь достать квартиру? Деньги у меня есть.

— Деньги — не проблема, — сказал Ахмет. — Мы, разбойники, их не считаем и храним в пещере в сундуках. Слышал, наверное?

— С каких пор ты разбойник?

— Я тебя сейчас в мою сторожку отвезу, — сказал Ахмет. — Есть у меня в лесу под Ялтой такое убежище.

Они ехали по яйле, свежий ветер пригибал молодую траву, небо стало громадным. Скоро начнется спуск к Ялте.

— Но мне надо каждый день приходить на место встречи с Лидочкой. Я думаю, что она со дня на день должна здесь появиться.

— Если разок не придешь, я своего аскера пришлю.

— А что расскажешь о себе? — спросил Андрей.

— Тебя в самом деле интересует, чем я занимаюсь?

— Ты мне предложил пожить с тобой. Я тебе благодарен, но могу же знать — кто ты, мой хозяин, кто твои друзья и враги. Ведь мне достаются и те и другие.

— Разумно. Тогда слушай. Никакой я не бандит. И не убийца. Но власти меня не любят.

Любые власти.

— А кто же тебя любит?

— Мои люди.

— Это очень похоже на бандита. Самого обыкновенного, — сказал Андрей. — Даже Робин Гуда любило хотя бы местное население.

— Вот именно, — обрадовался Ахмет. — Я забыл, как его звали, а спрашивать неудобно. Я — Робин Гуд Ялтинский.

Пролетка резво покатилась по вьющейся в сосновом лесу дороге к Ялте.

— Продолжай, — сказал Андрей, хватаясь за край разогнавшейся пролетки, чтобы не свалиться под откос.

— Я борец за свободу, — сказал Ахмет, — и не смейся! Я ушел в лес, чтобы добиваться справедливости, чтобы вернуть Крым тем, кто его всегда населял.

— Сарматам или скифам? — спросил Андрей.

— Твоя острота попала мимо цели, — сказал Ахмет. Он не смотрел на Андрея — глядел вперед, говорил тихо, медленно, словно подстраиваясь под мерный скрип колес. — Во мне течет

скифская и сарматская кровь. Во мне есть кровь греков и турок – я не знаю, из какого сплава Аллах выковал мой народ, но мы недаром не раз и не два брали штурмом твою Москву.

– А теперь ты хочешь взять штурмом Симферополь?

– Я не сержусь на тебя, Андрей, – сказал Ахмет, – потому что ты мой друг.

– А когда захватишь власть, поставишь меня к стенке!

– Мы никого не хотим ставить к стенке. Мы хотим только своей власти на своей земле, своей религии, своего права.

– Кто тебе запрещает ходить в мечеть?

– Мне не надо запрещать или разрешать. Это решают я сам.

– Мне кажется, все это несерьезно.

– Ты провел эти годы где-то в холодильнике! – возмутился наконец Ахмет. – Неужели ты не видишь, что ваша дряхлая Римская империя разваливается?! Это же, как говорил Лермонтов, страна рабов, страна господ. В ней не только сильный и богатый угнетает слабого, но и один избранный судьбой народ изымается над прочими, малыми народами! И этому пришел конец. Завтра империи не будет.

– Значит, ты собрал отряд Робин оглы Гуда и отправился освобождать свою страну?

– Мой отряд – не единственный. Мы – зародыш будущей армии. Судьбу страны решит народ, Учредительное собрание.

– И здесь тоже Учредительное собрание? Может, и хана подыщете?

– Андрей, я знаю, что ты не хочешь меня обижать, но ты все время обижаешь, потому что ты русский и тебе вроде бы можно иметь все то, чего другие не имеют. И потом спрашивать так, свысока: «А зачем тебе свобода, бедный ребенок?»

– А зачем? – упрямо повторил Андрей. – Раньше тобой правили из Петербурга, издалека, а вместо господ далеких вы хотите посадить себе на шею своих, местных – так они будут похоже на петербургских. Поглупее.

– С этим тоже можно поспорить, – сказал Ахмет. – У нас общая история, общий язык, главное – общая вера. А тебе я напомню – зачем вы, русские, устраивали битву на Куликовом поле? Хотели вместо господ далеких, ордынских, посадить себе на шею своих?

– Все, сдаюсь! – засмеялся Андрей. – Ты победил меня формальной логикой. По тебе Сорбонна плачет.

– Мы будем посыпать наших детей в Сорбонну, – сказал Ахмет.

С каждой минутой воздух становился теплее и влажнее. Пахло морем. Все чаще на дороге встречались прохожие, большей частью татары из деревень, что были расположены вдоль дороги и над Ялтой, где разводили виноград и пасли овец.

– Ты думаешь, что судьба империи тревожна? – спросил Андрей.

– Я уверен. Ты не представляешь, что творится в других местах. Я знаю, что Грузия и Армения готовы отложить, что независимости требуют Польша и Финляндия, Эстляндия и Курляндия.

– Бред какой-то! – в сердцах воскликнул Андрей. – Эстляндская республика! Ты знаешь, я не шовинист и не черносотенец, но скажи, пожалуйста, чем будет заниматься Эстляндская республика? Молоко в Петроград на продажу возить?

Но получилось не смешно, потому что Ахмет не поддержал Андрея, а Андрей вдруг понял непоправимую истину: Ахмет стал старше его. На три года старше. Еще вчера они были одногодки, а теперь, оказывается, Ахмет прожил почти три года лишних. Прожил в спорах, может быть, лишениях и опасностях…

– Ты в тюрьме сидел? – спросил Андрей.

– Недолго, – сказал Ахмет, – четыре месяца. Меня революция освободила.

Ахмет – и старший… И он больше знает не потому, что он умный, а потому, что он учился, когда Андрей плыл по течению с закрытыми глазами.

— Ладно, еще посмотрим, — сказал Андрей вслух. — Может, и обойдется.

— Все-таки ты типичный русский, — сказал Ахмет недовольно, — когда дело касается свободы — ты первый. Да здравствует свобода для нас! А как только разговор идет, чтобы дать свободу другим, ты сразу на дыбы: как они посмели?

* * *

Ахмет отпустил извозчика на шоссе верстах в пяти от Ялты.

— Ты с извозчиком расплатился? — спросил он.

— Да.

— Такая дорога плохая! Как домой поеду? Совсем поздно! — начал стенать извозчик, обращаясь то к Ахмету, то к Андрею. Но Ахмет его оборвал:

— Раньше надо было торговаться.

Извозчик не стал спорить. Уехал.

— Нам предстоит небольшая пешая прогулка под названием «моцион», — сказал Ахмет.

Он послал своего спутника с лошадьми вперед, а они с Андреем прошли еще версты две лесом до хижины. По дороге они больше уже не спорили, а говорили о вещах обычных, будто расстались всего неделю назад, — о тете Марусе, о Беккерах. Но более всего Андрея изумили новости о Маргарите.

Оказывается, ее исключили в пятнадцатом году из гимназии. И не зря. Теперь она считается среди одесских эсеров одним из первых людей. Злая, худая, как увидит врага революции — сразу норовит его расстрелять...

— Ну уж ты и преувеличиваешь, — рассмеялся Андрей.

— Почему?

— Потому что у нее папа судовладелец.

— А у Софии Перовской? А у Александра Ульянова? У них папы генералы — а каких крошек вырастили! Подожди, доедем до моего убежища, я тебе такое покажу, что просто ахнешь!

— А о Вревском не слышал?

— Говорят, он в Киеве. Но ты не думай, что все обошлось, — мне кажется, Вревский до конца жизни будет тебя искать. Раз он считает тебя убийцей.

Некоторое время они шли молча. Потом, как бы завершая разговор, Ахмет произнес:

— Ты свои великороссийские взгляды с моими аскерами не обсуждай. Они в гимназии не учились. А если в гнев войдут, зарежут тебя, мон шер ами, поздно будет расстраиваться. Мне и без того трудно объяснять, почему я русского к нам в лес привел. Им даже девушку нельзя, даже брата нельзя — а тебя привел, ай, как нехорошо!

— Я могу пожить в лесу отдельно от вас, — сказал Андрей.

— Не говори своих обычных глупостей!

— Спасибо, Ахмет.

— А я хотел спросить: если придет время, что я буду бежать и скрываться, ты тогда скроешь меня в своем доме, дашь приют беглому крымскому татарину?

— Посмотрим, — сказал Андрей. Возражать было бы глупо.

Когда они пришли в отряд, аскеры уже спали, их встретил только дежурный, который если и удивился приходу Андрея, виду не подал.

Воины Ахмета жили в двух деревянных сарайчиках, наверное, они остались от чабанов, что пасли здесь овец. Каменную сторожку занимал Ахмет.

Ахмет провел Андрея в сторожку. Вскоре его адъютант, задав корм коням, принес чайник и чашки. Ахмет снял башмаки и переобулся в мягкие желтые мешты.

— Ты не демократ, — сказал Андрей.

Они сидели на больших войлоках. Адъютант разливал чай и передавал чашки старшим.

– Ты обещал что-то показать, – сказал Андрей.

– Допьем чай, не спеши. Я не демократ, – сказал Ахмет.

Часовой, заглянув снова, спросил, будут ли они есть мясо. Только холодное. Они отка-
зались.

Ахмет поднялся, снял с низкой полки плоский кожаный кошелек.

Из него вытащил свернутый вдвое номер «Синего журнала». Раскрыл его и передал
Андрею, а сам взял с пола керосиновую лампу и поднес к странице, на которой раскрыл жур-
нал, чтобы Андрей мог разглядеть фотографию.

На фотографии была изображена Маргарита.

Если бы Андрей не ждал увидеть именно ее, он никогда бы не догадался, что видит
девицу, так влюбленную в Колю Беккера. Маргарита сильно похудела – высокие скулы были
того обтянуты кожей, нос был костлявым, переносица норовила прорвать тонкую кожу. Глаза
стали огромными, короткие прямые волосы не закрывали шею.

– Она раньше завивалась? – спросил почему-то Андрей.

– Революция ее изменила, – сказал Ахмет с неожиданной горечью.

Маргарита была в кожаной куртке.

Фотография изображала ее по пояс. По сторонам, отступив на шаг, стояли два матроса.
Из тех революционных моряков, которые ринулись в последний и решительный бой, перестав
притом стричься, мыться, увешав себя «маузерами» и «лимонками» и с наслаждением опу-
стившись в невероятные глубины жестокости и разгула. Лица их были плохо пропечатаны и
скрывались в тени.

Андрей прочел подпись под фотографией:

«Маргарита Яростная, один из новых вождей одесских социалистов-революционеров,
которую подозревают в совершении перед революцией ряда отчаянных эксов».

– Почему вдруг – Яростная? – спросил Андрей.

– А у них у всех клички.

– Интересно, а когда мы были знакомы…

– Я думаю, что тогда она еще не была одним из вождей.

– Свет, свет поближе!

Андрею, который рассматривал фотографию, показалось знакомым лицо одного из моря-
ков, охранявших Маргариту.

– Ты его не знаешь? – спросил Андрей.

– Никогда не видел.

– Наверное, мне показалось.

– А кто это?

– Был такой человек… друг кочегара Тихона. Его звали Борис. Борис Борзой, если не
ошибаюсь.

– И что?

– Похоже, что я ошибся, – сказал Андрей, – фотография нечеткая.

– Фотография нечеткая, – согласился Ахмет. Но согласился слишком быстро и легко,
вызвав в Андрея недоверие. Ни к селу ни к городу Ахмет добавил: – Что-то я давно Беккера
не видел. А когда-то он ее у меня увел.

* * *

Ахмет зря опасался – аскеры приняли Андрея спокойно. К тому же он говорил по-татар-
ски, и это сразу выделяло его из русских. Русским языком в отряде не пользовались, не потому,
что не знали, – не хотели. Даже с Андреем говорили только по-татарски.

Жизнь в отряде была неудобной и для Андрея – пустой.

Всего в отряде было человек около двадцати – точнее не скажешь, потому что некоторые приходили и уходили по семейным надобностям. Отряд ни с кем не воевал – иногда небольшие группы аскеров уходили куда-то, возвращались усталые, покрытые пылью. За лагерем было устроено стрельбище, но стреляли редко, берегли патроны. Бывший урядник Рахим учил аскеров рукопашному бою. Но вообще-то Андрею казалось, что он попал в татарский лагерь бойскаутов. Каждый вечер в шесть часов кто-нибудь из аскеров, одевшись получше, уходил в Ялту к платану, на встречу с Лидочкой. Так как Ахмет не рассказывал им, зачем Андрею нужна эта встреча, аскеры были убеждены, что Андрей подпольщик, принадлежащий к иному, чем они, но союзному революционному движению, и ждет он связную.

Раза два приезжал из Бахчисарай некий господин Озенбашлы – толстый, пожилой и очень важный татарин, один из лидеров национальной партии. Говорили, что в будущем курултае ему дадут министерский пост, а может быть, он станет президентом. Когда Озенбашлы приезжал, аскеры просили Андрея уйти на охоту или просто погулять по лесу. Видно, Озенбашлы проводил с молодыми аскерами какие-то воспитательные беседы, а когда Андрей спросил об этом у Ахмета, тот отмахнулся, выказывая неуважение к господину будущему министру.

Ахмет появлялся каждые два-три дня и обычно ненадолго.

У аскеров были винтовки, но не у всех. И еще был пулемет, правда, пока без патронов. Патроны должны были скоро привезти – купить в каком-то гарнизоне. Но покупка срвалась, и Ахмет из-за этого переживал – ему казалось, что настоящий боевой отряд должен иметь пулемет или пушку.

Никто Андрея не контролировал, никто за ним не следил. Порой он уходил далеко в горы, чаще его влекло к Ялте. Он проходил по крутым лесистым склонам, по виноградникам выше города. А порой, если было настроение, спускался к окраинным домам.

Его удручала мысль о будущем. Что будет, если Лидочка не сегодня-завтра появится здесь?

А что дальше? Придется ехать куда-то подальше от родных мест, возможно, в Сибирь, и там искать работу, место в жизни. А все их корни – здесь, на юге, в Крыму. По собственному опыту Андрей знал, что в Москве он скучает по Крыму. Почему перелетные птицы стремятся к северу, чтобы там вывести птенцов и потом вернуться на юг, в теплые края? Не потому ли, чтобы оценить благодать родных мест, не потому ли, чтобы дать возможность птенцам в раннем детстве увидеть суровую природу Севера, а лишь потом обрадовать их полетом в тепло, на родину?

Чепуха, поправил он сам себя, никто не мешает нам уехать на юг, на Кавказ, например, или в Среднюю Азию. Жить, допустим, среди сартов в Коканде... Нет, Андрей не хотел бы жить «среди кого-то». Ведь недаром татары организовали отряды и готовят свою революцию. А это значит, что и другие народы тоже готовят свои маленькие революции. Если в России начнется большая заваруха, все восстанут и разойдутся жить по своим законам. И по-своему они правы: когда Андрей спорил с Ахметом, он не подумал, что иные точки зрения могут иметь право на существование. Уехать в страну, которая принадлежит другому народу, это значит стать иностранцем: как бы хорошо ты ни изучил их язык, как бы тщательно ни выучил их обычаи, как бы искренне ни принял их веру, – ты все равно будешь иностранцем. И будешь стремиться к таким же, как ты, изгоям. Не будучи евреем, ты станешь евреем, потому что твоя судьба определит тебе место на свете, где своими ты сможешь назвать только кучку своих близких, а за пределами этого круга – ты всем чужой. Андрей слышал в университете от кого-то из приятелей, что в Палестине образуются еврейские поселения – на Земле обетованной. Евреям тоже нужно место на земле, куда ты можешь приехать и сказать: «Это моя страна!..»

Андрей оборвал нестройное течение своих мыслей. Будучи человеком подвижным и живым, он был лишен нормального общения и находился как бы в тюрьме без стен. Пожалуй, впервые в жизни у него появилась возможность остаться наедине с собой – мало кому выдается

такая возможность в девятнадцать лет. Впрочем, если и выдается, молодой человек обычно не пользуется.

Это не означает, что Андрей проводил все свободное время, обдумывая свою прошлую (и будущую) жизнь или анализируя ее. Куда чаще он думал о крепких ногах прошедшей мимо деревенской девушки или о следах кабана. Ему порой давали ружье – в отряде было одно, гладкоствольное, – специально для охоты. Стрелять из него было трудно, потому что, как шутили аскеры, любая птица может обогнать его пулю или улететь от нее за гору. И все же Андрей из всех времяпрепровождений предпочитал именно прогулки с ружьем. Он мало и редко убивал, но порой возвращался с добычей.

Однажды в своих путешествиях он забрел на руины небольшой крепости на скале над морем. И когда он извлек из спекшейся, перемешанной с камешками земли обломок амфоры, сердце сладко заныло, словно он увидел любимую девушку.

Он задержался на площадке часов пять – пришел к хижине уже в темноте, и Ахмет, оказавшийся там, устроил ему разнос. Андрей не обиделся. Он вытащил из карманов завернутые в бумагу куски черепицы и обломки амфор и – самую ценную из находок – донышко небольшого сосуда с процарапанными на нем греческими буквами.

– Погляди, – сказал он Ахмету. Ахмет был уставшим, злым. – Представляешь – две тысячи лет назад здесь жил человек, который вот это нацарапал.

– Я тоже царапал, когда маленьkim был, – сказал Ахмет, – такие неприличные слова – ты просто не представляешь.

– Что-нибудь случилось?

– Странное дело, – сказал Ахмет, – нас всего ничего – зачем же склонничать, драться за власть? Мне власть не нужна, тебе не нужна – зачем она ему?

– Кому?

– Это внутренние дела маленьkого татарского государства. – Ахмет попытался улыбнуться.

Андрей в ту ночь долго не спал. Стоило закрыть глаза, и он видел освещенную солнцем площадку между обломанными зубцами стен и уходящие в породу черепки сосудов. А может быть, там, глубже, скрыта голова чудесной Менады…

И тогда он задал себе впервые вопрос – может, потому, что испытал счастье более острое, чем память о счастье встреч с Лидой: что мне, Андрею Берестову, дороже на этом свете? Бесконечное ожидание Лидочки, которая может и не появиться в ближайший год, или же острое счастье охотника за древностями, искорки которого Андрей впервые ощутил на Севере? И Андрей знал: он, как пьяница на свидание к бутылке, пойдет завтра и послезавтра на ту маленькую, заваленную обломками каменных плит и спекшейся глины площадку, чтобы, нарушая строгие законы археологии, охотиться без ружья на хитрую безмолвную добычу.

* * *

В апреле вице-адмирала Колчака в Севастополе не было. И это, хоть и не стало решающим фактором в революционном движении на Черноморском флоте, все же сыграло отрицательную для дисциплины и порядка роль. Александр Васильевич проявил себя человеком недостаточно упорным – он склонился перед необходимостью подчиняться непоследовательным приказам Временного правительства, лавировать между Советом и офицерами флота, прислушиваться к иностранным советникам и в то же время игнорировать их советы. В Петрограде Колчак в конфиденциальных разговорах с правыми в правительстве и с главами союзнических миссий муссировал упльывающую из рук идею штурмовать Стамбул и, победив, не только переломить ход войны, но и возродить династию в Константинополе.

Но даже самые страстные ненавистники революции не могли выработать окончательной позиции по этому вопросу, потому что были скованы повседневными интригами и мелкими интересами. Казалось бы, победа в войне нужна правительству, но нет – возникает опасность реставрации монархии в России, то есть потери власти и престижа. Поэтому нам нужна победа в войне, но такая, которая бы сохраняла наши интересы. А какова она, именно такая победа, – черт ее знает! Да, конечно, говорили генерал Жанен и его западные коллеги, это будет манифика, если русские возьмут Стамбул! Но не нарушит ли это баланса сил в послевоенной Европе, не повредит ли это колониальным интересам Франции и Великобритании, не желающих дальнейшего укрепления России на востоке... И так далее...

Первый правительственный кризис в Петрограде, прошедший на глазах у Колчака и, можно сказать, с его пассивным участием, многому научил Александра Васильевича. Главное – убедил его в необходимости выйти из игры, так как участие в ней ведет к обязательному проигрышу.

Колчак уже был в Петрограде, когда 18 апреля Милюков опубликовал ноту, в которой умолял западных союзников поверить в то, что иного желания у России, как положить живот на алтарь общей войны, и быть не может. Возражая оппонентам, обвиняющим Россию в том, что она замыслила сепаратный мир с Германией, премьер Милюков уверял союзников, что именно теперь всенародное стремление довести мировую войну до решительной победы лишь усилилось благодаря сознанию общей ответственности всех и каждого.

Никто не чувствовал этой ответственности, никто в этой стране не хотел воевать. На следующий день начались демонстрации солдат и рабочих, которым надоела война и непонятная им игра в демократию. Навстречу двигались демонстрации из имущих районов, которые оказались куда слабее, чем рабочие и солдатские манифестации. Начались столкновения между колоннами демонстрантов. Газеты писали, что демонстранты, организованные большевиками, употребляли оружие, но большевики эти сообщения отвергали.

20 апреля, когда бурлил уже весь город и волнения начали раскатываться по стране, у военного министра Гучкова на Мойке собрались главнокомандующий армией генерал Алексеев, командующий Петроградским военным округом генерал Корнилов и командующий Черноморским флотом вице-адмирал Колчак. Алексеев сообщил, что армия ненадежна, Корнилов подтвердил – против правительства демонстрируют части столичного гарнизона. Корнилов предложил единственное решение – применить силу против застоявшихся в городе и обалдевших от непрерывных митингов и демонстраций резервных частей. Если вывести их из города и заменить частями более надежными, есть надежда удержать ситуацию в руках.

Колчак, доложивший, что Черноморский флот остается еще нормальной воинской единицей, сказал, что рассчитывать на сохранение такого положения наивно. Следует учитывать к тому же рост малороссийского национализма и стремление отдельных прохвостов захватить Севастополь и флот как символ величия Украины.

Гучков пытался спорить, Алексеев и Корнилов, лучше понимавшие ситуацию в стране, были настроены мрачно. Яростный Корнилов еще надеялся одолеть ситуацию с помощью нагайки. Он рассчитывал организовать отборные части, чтобы разогнать агитаторов.

После этой встречи правительство Милюкова подало в отставку, Гучков отдал пост военного министра социалисту Керенскому, в правительство вошли и другие социалисты. Корнилов и его сторонники в армии стали готовить мятеж, полагая, что путь, по которому идет Россия, смертельно опасен. Колчак же стал собираться в Севастополь. Он понял, что планы победы в войне провалены его же собственными начальниками. С этого момента он как бы потерял внутренний стержень – сочетание надежды и гордыни. Коле Беккеру он сказал:

– Я не верю больше в возможность удержать в руках флот. Он неминуемо разложится. Тогда тысячи матросов – канониров, сигнальщиков, кочегаров, электриков – совокупность морских специалистов, в единении с дредноутом или эсминцем представляющих грандиозную

силу ХХ века, – превратятся за считаные дни в стадо анархистов, в неуправляемую массу избалованных волей бесплатно жрать, бесплатно одеваться, насиовать и грабить преступников. Они разбегутся по всей России, но не для того, чтобы найти себе место в поле или у станка, – они годами, не имея и не желая иного занятия, будут вмешиваться в судьбы сражений, они будут шумны, жестоки и грозны по отношению к слабому, но трусливы и ненадежны при столкновении с сильным. Они будут дурны как организованные воинские силы, но в то же время они станут преторианцами революции, так как не будет им равных в дворцовых переворотах грядущей гражданской войны, в восстаниях и мятежах, в грабежах и набегах.

Коля Беккер сопровождал адмирала в Петроград и присутствовал при некоторых переговорах как его адъютант. Слабость, которую питал Александр Васильевич к Коле, несмотря на предостережение начальника контрразведки полковника Баренца, основывалась не только на уме и умении вести себя в сложных обстоятельствах, что Коля уже доказал своему патрону в первые дни революции, но и на убеждении адмирала, что настоящих помощников можно отыскать лишь самому, случайно, – в ином случае ты обречен на то, чтобы благоволить к ставленнику какой-нибудь клики и никогда не доверять ему до конца. В своем штабе Колчак более всего доверял молодым адъютантам – Берестову и Свиридову.

– Я не Бонапарт, – откровенничал Колчак, сидя в купе пульмановского вагона, что не спеша вез их с Колей на юг по зеленоющим украинским увалам, кое-где подсвеченным свежей белизной хаток и указательными знаками тополей, – Бонапарт сам стремился вырвать власть. Я равнодушен к власти, но остаюсь человеком долга. Я жду, когда меня призовет история. Это мой недостаток. Я могу упустить шанс.

– Я полагаю, что вы самый деятельный человек, которого мне приходилось встречать, – сказал Коля.

– Ты встречал еще слишком мало выдающихся людей. И если Господь сбережет тебя во время той страшной войны, что надвигается на нашу страну, ты еще многих увидишь так же близко, как меня. Только меня среди них не будет...

– А вы?

– Неумный вопрос. Я проиграю. А в наступающей игре ставка – только жизнь.

– Вы были у мадам Персонье?

– Я не верю ей, – сказал Колчак, и Коле стало ясно, что отважный полярный путешественник и почти завоеватель Стамбула все же тайком посетил известную петербургскую гадалку.

Покачиваясь на рессорах в мирном и таком домашнем купе, за столиком, где стояла бутылка хорошего коньяка и икра в серебряном ковшике, а булочки еще были свежие, глядя на этого взбудораженного и неуверенного в себе человека, Коля подумал: твоя карта уже бита, вице-адмирал, никогда тебе не стать полным адмиралом... никогда не стоять на командном мостике. Не сегодня-завтра тебя сковырнет Совет, ты уже знаешь об этом и ищешь пути бегства. Тебе не Стамбул сейчас нужен, а нора, где укрыться.

Угадывая многое в других людях, Коля обладал лишь умением угадывать плохое, мелкое, словно более крупные, широкие качества души и характера были неразличимы для его взгляда. Потому представление, которое составлял себе Коля о собеседнике, было крайне точно в негативных мелочах, но никак не подтверждалось в большом.

– Мне предлагают командировку в САСШ, – продолжал между тем адмирал. – Как консультанту по минному делу. Как ты знаешь, я в этом смысле. Полагаю, что американцам я нужен как черная лошадка в будущей политической борьбе за Россию, а Временное правительство готово и даже жаждет меня отпустить, чтобы не создавать конфликтов на Черном море. Вместо меня они быстро назначат либерала Немитца и в результате собственными руками погубят флот как боевую единицу!

– А я? – спросил Коля.

– Ты? – Адмирал вдруг задумался о судьбе Коли или сделал вид, что этот вопрос лишь сейчас пришел ему в голову. – Взять тебя в САСШ я не могу, потому что к этому нет никаких оснований. Еду я как частное лицо, и мне не положена свита. Но я был бы рад, если бы ты остался в Севастополе.

– В качестве кого?

– В качестве моих глаз и ушей, – сказал адмирал, наливая твердой рукой в металлические стопки себе и Коле. – Мы не знаем, как повернется судьба и призовет ли она меня сюда снова. Но пока человек живет, он надеется. И я надеюсь. И хотел бы, чтобы ты делил со мной эту надежду.

– Но вы же сами говорите, что флот скоро рассыплется.

– Скоро, но не сразу. И в какой форме это произойдет – не знаю. Ты, конечно, можешь сегодня же выйти в запас, и я подпишу тебе все нужные бумаги. Но подумай хорошенько – еще вчера ты был лишь прапорщиком береговой артиллерии из вольноопределяющихся. Сегодня ты – лейтенант флота, и в этой суматохе вряд ли кому придет в голову внимательно проверять твоё происхождение.

– А Баренц?

– Полковник Баренц знает не только о тебе – обо мне и многих сильных мира сего. Но излишнее знание в периоды революций – самая опасная роскошь. Тебя он не тронет.

– Пока вы здесь.

– До моего отъезда мы сообразим тебе, мой юный друг, следующий чин. Старший лейтенант флота равен капитану в армии – что бы ни случилось с нашей страной, такой чин дает тебе некий иммунитет.

– Или приближает меня к веревке.

– Коля, ты слишком осторожен. Но я ни на чем не настаиваю. Я мог бы сделать тебя капитаном второго ранга, но ты еще так молод, тебя принимали бы за ряженого.

Колчак улыбнулся, не разжимая губ.

В его последних словах не было желания обидеть, только констатация факта.

– Я подумаю.

– Тебе дается время до прибытия в Симферополь, – сказал Колчак. – Боюсь, что события будут развиваться там с такой скоростью, что неизвестно – уеду ли я сам или меня вышвырнут.

– Что вы говорите, Александр Васильевич!

– Страна катится к хаосу. Выпьем за то, чтобы нас миновала чаша сия и чтобы мы с тобой мирно умерли от старости.

* * *

Колчак с Беккером вернулись в Севастополь 25 апреля. Скоро состоялось делегатское собрание в цирке Труцци, и Колчак держал там речь. Цирк был полон черными бушлатами. Солдаты – серая масса шинелей – держались как бы на втором плане, уступая в Севастополе первенствующее место морякам.

Колчак был откровенен и резок. Он понимал, что хуже всего, если в век газет и радиотелеграфа его уличат во лжи.

– Армия устала и потеряла интерес к войне, – говорил Александр Васильевич.

Зал ответил на эти слова вздохом, согласился – воевать уже не хотел никто. И Коля, который сидел в первом ряду, понял, что даже за те немногие дни, что Колчак отсутствовал в городе, его власть над черной толпой резко ослабла.

– Быть может, – говорил Колчак, – ни в одной части не сказалось так отсутствие дисциплины, как на Балтике. Реформировать начали необдуманно. Флота на Балтике, к сожалению, не существует.

Коле хотелось встать и уйти – уйти и никогда не встречаться больше с адмиралом, на котором видна была несмываемая печать поражения. Но, как ни странно, его удерживало здесь обещание Колчака оформить документы на получение им чина старшего лейтенанта. Если бы Колю попросили объяснить, что толкает его оставаться в Севастополе ради ступеньки в иерархии, которую не сегодня-завтра отменят, Коля ответить бы не сумел. Была в том и доля русского «авось обойдется», и тщеславия – в двадцать два года стать старшим лейтенантом флота...

– Может быть, то, что я сказал, – заканчивал между тем свою речь Колчак, – заставит вас проникнуться сознанием, что если мы не оставим партийных споров, то погибнем... Если мое сегодняшнее тягостное сообщение заставит вас поговорить с теми солдатами и матросами, которые с вами в ротах и на судах, дабы помочь спасению Родины, я буду считать свою задачу выполненной.

Когда за кулисами к Колчаку подошел городской голова Еранцев с поздравлениями по поводу великолепной речи, Колчак отмахнулся.

– Бисер перед свиньями, – сказал он. – В лучшем случае отсрочка на несколько дней.

– Мы сможем удержать их в узде, – сказал Еранцев.

– Вы бы посмотрели им в глаза, – возразил Колчак. – Они меня уже не любят.

Колчак был прав. Его выступление в цирке Труцци было пирровой победой. Несмотря на то что команды основных линкоров и полуэкипаж приняли громогласные постановления о поддержке адмирала и командования, в которых кипела скучая матросская слеза, обещание мира и свободы было соблазнительнее. «Екатерину Великую», на которой держал флаг адмирал, переименовали в «Свободную Россию».

С начала мая Колчак вступал во все более острый конфликт с Севастопольским Советом. Ставший старшим лейтенантом Беккер видел, как падает популярность адмирала на флоте, но Колчак, все более озлясь, как бы нарочно вызывал на себя огонь.

17 мая в Севастополь был вынужден приехать военный министр Керенский, который пытался очаровать и матросов, и офицеров, не преуспел ни в том, ни в другом, но вызвал лишь новую вспышку возмущения против Колчака. 5 июня грандиозный митинг в Севастополе выразил недоверие командующему флотом. Митинговали круглые сутки. Было принято постановление о сдаче офицерами личного оружия и отправлена депутация к Колчаку с требованием, чтобы и он подчинился решению масс.

Коля как раз был у Александра Васильевича, в тот день мрачного и злого. В каюте находился и контр-адмирал Лукин, которого Совет и делегатское собрание назначали новым командующим флотом.

Тогда и заявились комиссия с требованием сдать оружие.

Комиссия была разномастная. В ней состояли прaporщики, матросы и даже телеграфист – все страшно возбужденные и поддерживавшие свою решимость некой совместной ритуальной ненавистью к адмиралу.

Колчак выслушал слишком громкое, считанное с бумажки постановление. Он был спокоен.

Он снял со стены свою георгиевскую саблю. Но, вынимая ее из ножен, он двинулся к группе революционеров, стоявших в дверях. Прaporщик Легвольд протянул руку, намереваясь взять саблю.

– Погодите, – сказал адмирал мирно. – Следуйте за мной.

Комиссия послушно пошла за адмиралом на верхнюю палубу.

Там стояли группами матросы – в стороне несколько офицеров. «Свободная Россия» была настроена нейтрально.

Адмирал подошел к борту. К нему были обращены сотни глаз.

— Слушайте мой приказ, — сказал он высоким голосом. — Во избежание дальнейших насилий над офицерами и подчиняясь постановлению делегатов флота, я предлагаю офицерам добровольно сдать свое оружие, себя также лишаю оружия…

Он сделал паузу. Было тихо так, что ленивые удары небольших волн в борт линкора казались громкими. Кричали чайки — потом и они смолкли, будто подчинились торжественности минуты.

— Я отдаю мое оружие морю! — воскликнул адмирал.

Он выхватил саблю из ножен, поцеловал ее клинок и широким жестом кинул ее за борт.

Палуба ахнула — это была реакция не только на вызывающий поступок адмирала, но в нем выразилась и жалость к сабле — такой красивой, дорогой, георгиевской сабле, сделанной на заказ златоустовским мастером. И этот жест уже к вечеру стал известен последнему мальчишке в Севастополе, а завтра всей России. «Вы слышали, как адмирал Колчак бросил в море свое георгиевское оружие?..»

Колчак резко обернулся к маленькой кучке только что очень уверенных в себе людей. Он победил комиссаров, понимая, что слаб для открытого возмущения.

Повернувшись, как на параде, Колчак пошел к трапу — каблуки зацокали по ступенькам.

Коля Беккер, спеша, прежде чем спадет колдовство момента, отстегнул от портупеи кортик и побежал к борту.

— Лейтенант, вы куда? — крикнул вслед опомнившимся Легвольд.

Но Беккер уже успел выкинуть свой кортик за борт и смотрел, как он косо и четко, не подняв капли, рыбкой вошел в воду.

Жест Беккера вернул всех к действительности.

Коля хотел уйти следом за адмиралом, но его остановил один из членов комиссии, человек немолодой и очень громогласный:

— Молодой человек, вам велели сдать оружие, а не передать рыбам. То, что дозволено Юпитеру, категорически воспрещено телятам.

Кто-то в комиссии засмеялся — с облегчением. Самое неприятное было позади.

Коля побежал следом за адмиралом.

Он догнал его в каюте, куда, не подумавши, ворвался без стука.

Адмирал сидел в кресле, погрузив голову в ладони.

— Кто? — вскинулся он. — Кто еще?

— Это я, — сказал Коля. — Я тоже кинул кортик!

— Ну и дурак, — ответил адмирал Колчак.

Коля сразу осекся. Словно набежал на стену.

— Чего стоите? — грубо спросил Колчак. — Вы свободны, прaporщик! Кончено. Все кончено, а вы тут, видите, раскидались кортиками. Вы на него и права не имеете…

— Но ведь вы…

— Когда это делаю я — я совершаю точно выверенный акт, которому суждено войти в историю. И это уже вошло в историю. Когда же это совершаете вы, вы пародируете мой исторический акт. Неужели вам надо объяснять элементарные вещи?

Коля вернулся домой подавленный и разбитый, словно весь день таскал камни.

Раиса была дома, она стала собирать обед, ее сын закидал Колю вопросами:

— Дядя, а дядя, где твой ножик? Ты его потерял?

— И в самом деле! — сказала Раиса.

Коля только тут спохватился: что он наделал! Кортик был особенный, заказной, дорогой: его купила ему на день рождения Раиса, заплатила тридцать пять рублей — это при ее небольших средствах! Раиса последние дни тешила себя надеждой на то, что Коля на ней женится. Даже перестала принимать своего поклонника Елисея Мученика, когда тот приезжал в Севастополь по революционным делам.

– Нас разоружили, – сказал Коля. – Даже у адмирала отобрали саблю.

Одна была надежда, что никто не прибежит завтра к Раисе, не сообщит, что он кинул кортик вслед за адмиралом, хотя никто его за руку не тянул – мог бы спрятать дома, как все офицеры.

– Как же так! Как же так! – закудахтала Раиса. – Чего же ты не сказал, что это мой подарок?

Раиса была так расстроена крайностями революции, что плакала весь вечер. И тогда Коля понял, что пора подумывать о другой квартире, хоть он и привязался к Раисе Федотовне и ее мальчишке.

Но на следующий день Колчак вызвал к себе Колю и принял его с глазу на глаз.

– Слушайте меня внимательно, – сказал он. – Я уезжаю. Когда вернусь, не знаю, но точно вернусь. И надеюсь, что мое возвращение сыграет некоторую роль в истории нашей Отчизны. Я не могу пригласить вас с собой в Америку, но обращаюсь к вам с просьбой остаться здесь в штабе моими глазами и ушами. Вопрос стоит не только в вашей преданности, но и в том, что вы умный человек, вы увидите то, что пройдет мимо внимания Баренца или Свиридова…

«Так, – отметил про себя Коля, – теперь мы знаем, кого он оставляет здесь помимо меня».

– Я оставляю вам адрес, по которому можно будет сообщать мне, что вы считете нужным. Когда вы мне понадобитесь, я вам сообщу об этом через доверенного человека, который скажет вам, что пришла посылка от тети из Одессы, надо ехать получить ее. Пока что прошу вас об одном: берегите себя, не ввязывайтесь в авантюры, постарайтесь быть угодным правительству – будьте мудрым и осторожным, как змий. Обязательно зайдите к полковнику Баренцу и получите от него пакет. Прощайте, мой молодой друг.

Они обнялись. От адмирала пахло хорошими мужскими духами и помадой для волос.

Затем Коля прошел к начальнику контрразведки полковнику Баренцу, которого он недолюбливал, зная, что именно полковнику Колчак давал указание проверить его прошлое.

Баренц передал Коле небольшой пакет.

Дома Коля обнаружил, что в нем – три тысячи рублей пятирублевками. На расходы из особого адмиральского фонда.

Колчак уехал из Севастополя на следующий день. Коля провожал его на станции. Было много народа, хоть адмирал того не хотел. Пришли даже делегации матросов от кораблей; самая большая – от «Свободной России».

Из Петрограда, почти не задерживаясь, Колчак отплыл в Америку, где пробыл больше года.

* * *

– Андрюша, – сказал Ахмет доверительно, – ты своей археологией-мархеологией, пожалуйста, подальше от моего отряда занимайся. Мои аскеры тебя не поймут. Для них ты или осквернитель могил, или искатель клада. Первого они зарежут как мерзавца, второго – чтобы завладеть его богатствами. Не знаю, какой вид смерти тебе приятнее.

– Ты же знаешь, что я ничего не нашел и даже не ищу, – мне просто нравится копаться в земле.

– Это меня очень беспокоит, Андрюша. Нормальный человек в земле не копается. Значит, ты ненормальный.

Андрей послушался Ахмета и перенес свои археологические раскопки подальше от лагеря, куда аскеры не заходили, – на безводный пустырь за Ласточкиным гнездом. Там над морем он в своих прогулках нашел фундамент небольшого строения и остатки стен из тщательно подогнанных плит, скрытых колючим кустарником, который надежно прятал Андрея от случайного взгляда со стороны дороги.

Копать было трудно – порода внутри стен часовни, как окрестил свой археологический памятник Андрей, представляла собой спекшийся сплав из песка, камней и черепицы, а орудия Андрея были первобытными – кирка, лопатка и широкий рыбакский нож. Неподалеку от часовни Андрей отыскал нечто вроде собачьей конуры – видно, осенью там прятался сторож виноградника. Раздобыв кошму, Андрей зачастую не возвращался в убежище к аскерам, а ночевал возле своих раскопок.

Несмотря на неуверенность в будущем и непрочность сегодняшнего дня, на непривычное одиночество, на царивший вокруг разброд, Андрей был необыкновенно счастлив. Ощущение счастья происходило от непривычного, но понятного чувства радости человека, который нашел свое жизненное занятие, прикосновение к которому необходимо, как любовь, как еда. Другому человеку недоступно счастье от возможности копаться в ссохшейся земле, доставать ржавые железки и замирать в глубинном восторге перед возможностью превращения округлого края керамики в целый, сохранившийся сосуд.

Как находка спутника жизни, так и находка собственной работы – явление, к сожалению, редкое. Существуют семьи, которые скреплены обычаем, привычкой, обязанностями, терпением. Куда реже встречаются семьи, в которых обстоятельства и время превратили обязанность в радость, подчинение обстоятельствам – в кажущуюся свободу выбора. Это как бы благоприобретенное, заработанное десятилетиями счастье. То же происходит и с трудом. В большинстве случаев люди терпят свой труд, ожидая момента пенсии, как освобождения от рабства. Но совсем редко – и в человеческих союзах, и в отношении человека с работой – стороны совпадают, как половинки разорванной пополам открытки.

Вологодская экспедиция была лишь подготовкой Андрея к встрече с возлюбленным трудом. Там было интересно, но сам процесс раскопок еще не овладевал Андреем как состояние, близкое к экстазу. Главное произошло весной, в Крыму. Видно, к тому моменту и завершился процесс его духовного созревания.

Андрей рано утром просыпался в кособокой хижине, под жесткой кошмой. Волосы были влажными от росы, ложе из прошлогодней соломы было колючим и пахло гнилью.

Еще не открыв глаз, Андрей начинал думать о работе. Не о Лидочеке, не о судьбах России. Он представлял себе, что его ждет раскоп, что сегодня случится невероятная находка: допустим, греческая статуя, надпись с именами местных властителей. Пожалуй, нет другого занятия на свете, цель которого заключалась бы в том, чтобы отыскать Неизвестное. Любой ученый, практик, может либо словами описать желаемый результат, либо изобразить его визуально. Но археолог мечтает о том, чего сам не знает. Все величайшие открытия в археологии заключаются именно в этом.

Раскапывая гробницы фараонов, Картер не мог знать и даже не осмеливался мечтать о том, как выглядит посмертная маска Тутанхамона либо украшения на его мумии. Представляли ли себе Шлиман, отправляясь на поиски Трои, что отыщет драгоценности, которыми он украсит свою прекрасную Елену? Половина настоящих археологов бросила бы свое занятие, если б они знали точно, где и что найдут.

Ранее труд археолога был малозаметен и близок к преступлению, ибо археологи были грабителями могил по заказам вельмож, увлекающихся античностью. Теперь же существуют колossalные институты и экспедиции, масса справочников и правил, определяющих труд археолога, – но в самом-то деле ничего не изменилось! Археолог тот же авантюрист, гробокопатель, грабитель, охотник за сокровищами, но теперь он совмещает в одном лице и наемного грабителя, и вельможу, потому что награбленное у вечности он волочит к себе – в музей, в институт, в сокровищницу. И не поддавайтесь обману, когда услышите горячие речи археологов, что их волнуют лишь типы стеклянных бус либо особенности орнамента горшков дьяковской культуры. Чушь все это – поглядите в глаза археологу, когда под его рукой в породе сверкнула золотая пуговица королевского одеяния… или палец античной статуи.

Нет, не деньги и не денежная стоимость предметов волнуют археолога. Разумеется, он не лишен определенного тщеславия и с интересом и удовлетворением читает в газете бойкий репортаж о его находке, в котором сообщается, что вазе, найденной им, и цены нет, а нечто подобное было продано на аукционе «Сотбис» за два миллиона долларов. Но это вторичное. Главный момент в жизни – кульминация его любви к археологии миновала куда раньше – тот момент, когда Нечто еще Неведомое, но Невероятное показалось из-под земли.

Ах, думают непосвященные, какой неинтересный труд! Все время в пыли, все время согбенный, вдали от благ курортной цивилизации. Жара и жажда, пыльные бури и проливные дожди...

Археологи сами распускают подобные бредни о своих несчастьях. Говорить о климатических неудобствах для археолога – все равно что утверждать, якобы пираты вели неподвижный образ жизни, будучи ограничены в движениях тесными бортами своего кораблика. И какой человек пойдет в пираты, если там так скучно, неделя за неделей тянется однообразное плавание – только волны вокруг и солонина на обед! И все это ради нескольких часов боя, который может и не принести добычи!

Андрей блаженно потягивался на своем неудобном ложе, радовался тому, какой сухой и теплый выдался май в Крыму. Потом спускался вниз, к морю, чтобы совершить утреннее омовение, завтракал куском сыра или лепешкой, а различные мысли одаривали его своим посещением. Разумеется, он помнил о том, что ждет Лиду, и ходил к заветному платану. Как-то его посетила мысль, что Лида появится только осенью. Может быть, самому проплыть еще полгода?

И тут же Андрей отмахнулся от таких мыслей. Это значит – пропустить целый сезон раскопок! Осенью особо не поработаешь. Нет уж, лучше мы подождем Лидочку с пользой для дела.

Андрей не был по-настоящему профессиональным археологом – впрочем, много ли их было тогда в России, да и во всем мире? Кое-чего он насмотрелся в экспедиции и узнал на семинарах профессора Авдеева. Так что он принял некоторые меры для того, чтобы его раскопки не показались коллегам варварскими. Для этого он на куске картона изобразил план своей часовни в масштабе 1:10. Затем Андрей разделил его на квадраты и начал планомерно снимать слои земли. Правда, практически сделать этого он не сумел, потому что в западном углу часовни находок встречалось много, а у противоположной стенки – ничего, ровным счетом ничего. Будь у Андрея хоть один рабочий, он бы приказал ему выгрести землю из пустого угла ради того, чтобы опускаться в прошлое последовательно, но рабочего не было, а самому копать впустую плотный грунт не хотелось.

9 мая Андрей проснулся в предчувствии особенно счастливого открытия. Его не смущило даже то, что от съестных припасов остался всего огрызок лепешки. Но солнце грело замечательно, работа захватила его, и он забыл о голодае.

Примерно в десять утра пришлось отложить кирку и взять в руки нож, потому что изменившийся цвет породы подсказал, что близко лежит некий металлический предмет.

Андрей принялся соскабливать с темного пятна светлую землю. Было еще не жарко, Андрей работал обнаженным по пояс и успел загореть, как местный рыбак. Из-за сильного загара волосы выгорели и казались светлее кожи лица, а зубы белели, как у негра.

Нечто крупное загородило солнце.

– Что мы видим! – послышался самоуверенный утробный баритон. – Мы видим жалких кладоискателей, которые и не подозревают, что здесь уже побывал в конце прошлого века граф Уваров, а также Крестинский с компанией.

Андрей вскочил, не выпуская ножа, но не смог разглядеть визитера или визитеров, потому что они стояли спинами к солнцу.

– Эй, юноша, с ножиком осторожнее! – раздался другой голос. Молодой, с кавказским акцентом.

Андрей отступил и приставил ладонь ко лбу. Теперь он мог разглядеть, что в гости к нему пожаловал не Бревский, чого Андрей всегда опасался, а компания дам и барышень, в которой было лишь двое мужчин. Обладатель кавказского акцента был в форме поручика, у него было крупное восточного типа лицо с тяжелым носом, черные кудри выбивались из-под фуражки.

Баритон принадлежал профессору Авдееву, бывшему покровителю и наставнику Андрея по Московскому университету.

Княгиня Ольга узнала Андрея и всплеснула руками:

– Берестов! Андрюша! Блудный сын нашего сообщества! Ты что здесь делаешь?

– У меня летняя практика, – сказал Андрей, смутившись своего вида и того, что он был застигнут за делом предосудительным – за частными раскопками на чужой земле.

– Чудесная шутка! – возрадовался профессор Авдеев. – Ваше Величество, прошу любить и жаловать! Этот бандит – мой любимый талантливый ученик, Андрей Берестов.

– Очень приятно в такие дни увидеть юношу, которому интересы науки дороже, чем участие в митингах и манифестациях, – сказала императрица Мария Федоровна, которую Андрей узнал не сразу, хотя видел ее близко в доме своего отчима.

Андрей смущенно поклонился.

– Берестов? – сказала императрица. – Берестов? – Она покатала в сознании фамилию, как шарик, но не вспомнила. Обратилась к молодой девушке, стоявшей рядом. Господи, это же княжна Татьяна, которую стервец Ахмет за коленку схватил, понял Андрей. – Что мне напоминает эта фамилия? – спросила княжну императрица.

Татьяна пожала плечами и ответила длинной французской фразой, которую Андрей не понял.

Оказывается, профессор Авдеев остановился в Ялте по дороге на раскопки в Трапезунд. Он был приглашен в гости знавшей о нем еще по довоенным временам императрицей Марией Федоровной, скучавшей под домашним арестом на вилле Дюльбер, которую охранял бравый поручик Джорджилиани. Сочетая приятное с полезным, профессор повел высокопоставленных знакомых на экскурсию по окрестностям их имения, дабы показать некоторые забытые, таящиеся в зарослях памятники античности и Средневековья, которыми столь славен Крым. И надо же было на руинах встретить студента Берестова! Встреча эта была приятна профессору – значит, он смог заложить нечто важное в душу этого молодого человека, если тот даже в такое время продолжает заниматься любимым делом. Так что все прежние обиды и недоразумения были тотчас забыты, и Андрей получил приглашение к профессору, остановившемуся со своей свитой в гостинице «Ореанда».

Андрей отнекивался; потом честно признался, что у него нет костюма для того, чтобы пойти в гости.

– Ах, пустяки, – сказала княгиня Ольга, – неужели мы не придумаем чего-нибудь? Нет, не надо оправдываться и объясняться. В эти ужасные времена вполне приличные люди оказываются в безвыходном положении! Если бы вы знали, что творится в Москве!

– И здесь не сладко, – сказала вдовствующая императрица. – Я вам скажу честно, что мечтаю об одном – покинуть это обезумевшее государство.

– Как я вас понимаю! – сказала Ольга. – Мне порой жаль, что я русская.

– Но долг есть долг, – сказал профессор Авдеев.

Этот разговор происходил уже не на раскопках, а в беседке Дюльбера, где Андрей чувствовал себя одетым в лохмотья бродягой, какие бывают только в операх.

Княжна Татьяна глядела на него с девичьей тоской, любуясь загорелыми мышцами, видными в прорывах рукава, а поручик Джорджилиани, очевидно, имевший свои виды на княжну,

тяжело вздыхал и часто покидал комнату, как предположил Андрей – чтобы наточить нож, которым он зарежет соперника.

В дом Андрея все же не пригласили, да он и не пошел бы. Императоры и императрицы чувствуют предел дозволенного.

Автомобиль императрицы был реквизирован революцией, так что обратно в Ялту поехали на извозчике, который, оказывается, ждал с утра перед воротами, потому ворчал, по виду мадам Авдеевой почувствовав, что его долгое стояние не будет оплачено как должно.

На коленях у Андрея лежал объемистый сверток, который принесла к отъезду очаровательная полногрудая горничная Наташа. Как сказала на прощание Мария Федоровна, эти вещи остались после Великого князя Гавриила Константиновича, который здесь когда-то жил. Андрей стал отнекиваться, но с ним никто не разговаривал – ему приказали рассматривать подарок не более как дружескую помошь хорошему человеку в тяжелые времена.

– Надеюсь, что и мы, слабые женщины, можем рассчитывать на вашу помошь, – сказала императрица, протягивая на прощание руку.

Андрей поцеловал сухие прохладные пальцы вдовствующей императрицы – ныне опальней, плененной женщины без прав и имущества, и произнес:

– Я буду счастлив положить жизнь за Ваше Величество.

Это совсем не означало, что Андрей в одночасье стал монархистом. Он оставался социалистом и сторонником равенства всех людей. Но в одном конкретном случае, когда речь шла о Марии Федоровне, он отступал с социалистических позиций и, как честный человек, ощущал себя рыцарем Ланселотом.

* * *

Вечером на ужин к Авдеевым Андрей пришел в охотничьем костюме Великого князя, который был худее, но выше Андрея. Увидев гостя, княгиня Ольга тут же потащила его в номер, там велела снять сюртук и почитать последний номер «Русской старины». Тем временем она принялась что-то распарывать и перешивать, потому что была настоящей женой археолога – она умела шить, готовить, перевязывать раны, торговаться с поставщиками и ругаться с рабочими.

Вскоре пришел профессор Авдеев, начал расспрашивать, что делал Андрей последние три года. Андрей не очень убедительно рассказал, что был в армии, его контузило и он приехал в Крым. Тетя его, единственная родственница, скончалась – вот он и занялся раскопками.

– Судьба! – гудел профессор Авдеев, шагая по номеру между ящиками с экспедиционным добром, которое они везли из Петербурга и хранили на виду, чтобы не растащили революционеры. – Сама судьба привела тебя сюда. Надо же было именно мне оказаться в нужном месте в нужную минуту. Фатум! И ты никому ничем не обязан?

– Я? Никому.

– Замечательно. Мне нужен умный, преданный делу помощник, – сказал профессор Авдеев и посмотрел на жену, словно отговорил текст, отрепетированный заранее, и забыл слова дальше.

– Но я не знаю, куда вы намереваетесь ехать.

– Это дело второе, – прогудел Авдеев. – Едем мы в Турцию копать Трапезунд. Трапезундскую империю. Это тебе что-нибудь говорит?

– Очень немного. Византия, Средние века, царица Тамара…

– Достаточно, – сказала Ольга. – Ты выдержал экзамен. Если тебе позволяет здоровье, лучшее для тебя – поехать с нами. Нам остро не хватает интеллигентных сотрудников. Из старой компании с нами смог поехать только палеограф Российской. Ты его помнишь?

– Конечно, помню.

– Он полиглот и отличный специалист. Из-за близорукости его не взяли в армию.

Андрей приоткрыл было рот, чтобы спросить, не приедет ли нескладная Тилли.

– Что касается наших девушек, – продолжала Ольга, – то вопрос остается нерешенным.

По крайней мере Матильда – ты ее должен помнить – обещала приехать позже...

– Платить мы тебе много не сможем – сами едем не за золотом, – загудел Авдеев. – Но голодать не будешь.

– Он согласен, – сказала княгиня Ольга, откусывая нитку и протягивая куртку Андрею. – Не очень убедительно, но крепко.

Андрей обещал подумать, хотя в душе сразу согласился с археологами. Ожидание Лидочки в значительной степени определялось чувством долга. Он обязан был ее дождаться и сделать так, чтобы ей было хорошо. А вот чувство, близкое к любовному томлению, Андрей испытывал именно от возможной поездки в Трапезунд. Это настоящие раскопки! Это же сказочное везение, которое выпадает археологу раз в жизни! «Но, конечно же, я не поеду, конечно, останусь, потому что Лидочка обидится, что я предпочел экспедицию...»

В таком ожесточенном состоянии человека, который уже принял благородное решение отказаться от счастья ради долга и потому крайне несчастлив, Андрей и объявился в отряде аскеров.

Появление Андрея в зеленой куртке и черных брюках, из-под которых выглядывали носки кое-как почищенных рваных ботинок, вызвало в лагере небольшую сенсацию. Аскеры окружили Андрея и дали волю своему застоявшемуся остроумию.

К счастью, Ахмет, который собрался уехать в тот вечер в Симферополь, задержался и вышел на шум.

Андрей потребовал уделить ему хотя бы пять минут времени, Ахмет вздохнул и согласился.

Они отошли в лес, и там Андрей изложил Ахмету свою дилемму: либо он ждет Лидочку и отказывается от дела своей жизни, либо едет в Трапезунд, но Лидочка ему этого не простит, и вообще он может ее упустить...

Тут Андрей совсем смешался и замолк.

– В Трапезунд тянет? – спросил тогда Ахмет.

Андрей кивнул.

– Я тебя понимаю, – сказал Ахмет. – Это Турция, настоящая страна, великая держава – тебе надо съездить туда, потому что со дня на день вас оттуда вышвырнут.

– Ты серьезно?

– Совершенно серьезно. После правительенного кризиса в Петрограде любому ребенку, кроме тебя, ясно, что Россия больше воевать не может и не станет. И окончательно в революции победит тот, кто сможет внятно доказать всей стране, что воевать не нужно. Сейчас это все понимают, а сказать никто толком не может.

– Честно говоря, Ахмет, все это мне не очень интересно.

– Тогда поезжай в Трапезунд. Если только ты не намерен осквернить могилы ислама.

Последнюю фразу Ахмет сказал вполне серьезно.

– Извини, я тебе не сказал, – спохватился Андрей. – Все совсем не так, как ты думаешь.

Когда в шестнадцатом году наши войска захватили северную Турцию, туда поехал профессор Успенский, он специалист по Византии, по христианству. Мы ищем там остатки Трапезундской империи. Ее создали грузины. О царице Тамаре слышал?

– Конечно, она, как демон, коварна и зла.

– Я обещаю тебе, что мы не тронем ни одной мусульманской святыни.

– Тогда поезжай.

– Нет, я не могу.

— Мои аскеры будут каждый вечер ходить на набережную. Как только Лидочка приедет, я ее устрою, а тебе дам телеграмму.

— Ахмет, ты настоящий друг. — Андрей кинулся обниматься, словно Ахмет открыл невероятный путь к решению задачи.

— Только тогда возвращайся сразу, — сказал Ахмет, — а то я сам на ней женюсь.

* * *

Транспорт «Измаил» отходил в семь часов утра, когда уже поднялось солнце. Аскеры, к удивлению Андрея, были огорчены его отъездом, долго желали счастья и проводили Андрея до шоссе. Там ждала крытая повозка. Правил один из аскеров, Ахмет сидел рядом с Андреем. По дороге Ахмет передал Андрею письмо в белом конверте и сказал:

— Отнесешь и отдашь.

— Хорошо, — сказал Андрей равнодушно. Он смотрел в щель между плечом аскера и пологом, с каждым шагом все более раскаиваясь в том, что предает Лидочку. Он повернул конверт — на нем ничего не было написано.

— Я бы не хотел, чтобы оно попало к чужим, — сказал Ахмет, — это важное политическое послание.

— Бог с ними, с вашими играми, — сказал Андрей, — враги, республики, партии, выборы — неужели не надоело?

— А ты кто, Господь Бог, да? Всем не наплевать, а ему наплевать! Пока девушку желаешь, наплевать, пока в Трапезунд хочешь, наплевать, а потом спохватишься — поздно будет.

— Ты даже не сказал, куда отнести письмо, — сказал Андрей.

— На улице, что ведет вверх от порта, в угловом доме — кофейня. Над дверью деревянный фрегат и написано «Синдбад» — латинскими буквами. Не забыл? Спросишь Юсуфа, отдашь письмо. Как в романе про шпионов. Добро?

— Сделаю, — сказал Андрей.

Транспорт, покрашенный в неуютный шаровый цвет, стоял у пирса. Погрузка заканчивалась. Последними на борт поднимались серые солдаты в одинаковых папахах, с одинаковыми лицами. Шли они уныло, как на похороны. Ахмет протянул Андрею темные синие очки. Андрей отказался — очки больше привлекут внимание. Он надвинул пониже на глаза кепку, обнялся с Ахметом и аскером, который вез их. Авдеев, что стоял у борта, увидел Андрея и стал махать:

— Берестов, скорее! Берестов, мы отчаливаем!

Голос его разносился по всей набережной.

Андрей готов был убить профессора. Он взял себя в руки, помахал в ответ. Пограничников наверху не было — стоял лишь матрос, весь в пулеметных лентах, с «маузером» в деревянной кобуре, с громадным чубом из-под бескозырки — одет по самой последней революционной моде. Он пересчитывал солдат, впрочем, отвлекался, смотрел на чаек и снова начинал считать. На Андрея он не обратил внимания.

Пройдя мимо матроса, Андрей поглядел вниз. На пирсе стояла повозка — рядом Ахмет и его аскер. Ахмет поднял руку.

Андрей помахал в ответ.

К нему спешила мадам Авдеева.

— Как хорошо, вы вовремя, а я все считаю места — никому нельзя доверять. Теперь вам с Российским придется мне помочь.

Каюта, которую Андрей делил с Мстиславом Аполлинарьевичем Российским, милейшим человеком, погруженным в тайны палеографии, была заставлена экспедиционными ящиками и

мешками так, что пройти между ними было невозможно. Авдеевы все экспедиционное добро сплавили подчиненным.

Путешествие оказалось неожиданно долгим – транспорт сначала пошел в Новороссийск, чтобы взять дополнительный груз для Трапезунда, там получили сведения, что поблизости видели немецкую субмарину – так что транспорт отстаивался два дня, пока из Севастополя не пришел миноносец «Керчь». В сопровождении его двинулись дальше. В каюте было душно. Профессор Авдеев обладал удивительным даром превращать в лекцию даже просьбу передать соль. Его трудно было долго выносить. Андрей все чаще думал о Лидочеке, и становилось страшно, что она могла сгинуть в волнах реки Хронос.

На пятый день «Измаил» достиг Трапезунда – под этим названием скрывался заштатный турецкий городок.

Глава 2

Май 1917 г

Андрей проснулся от крика чаек. В недрах транспорта что-то загрохотало, Андрей соскочил с койки и кинулся к открытому иллюминатору, сквозь который лился яркий, рассеянный свет.

Бухта, в которой замер, покачиваясь, громоздкий «Измаил», была наполнена легким, пронизанным косыми лучами только что вставшего солнца туманом. Посмотрев в сторону грохота, Андрей успел увидеть, как разматывается якорная цепь и ныряльщиком, раскинув лапы, летит к воде якорь. Вот он коснулся воды и превратился в столб брызг – но грохот продолжался, потому что цепь все выскакивала из клюза, звено за звеном.

Близкий берег лишь угадывался сквозь туман, и хотелось отвести в сторону белесую кисею.

Проснулся Российский.

– Приехали? – спросил он, потягиваясь. – Я думал, не дождемся.

– Приехали, – сказал Андрей, преисполненный счастливым чувством первого настоящего путешествия.

– Тогда вы позовите мне оккупировать унитаз, коллега? – спросил Российский.

Андрей только отмахнулся от старого тридцатилетнего циника, который тут же прошелся за перегородку, где были унитаз и умывальник.

И тут кисея тумана медленно и торжественно поползла в сторону, занавес открылся, и Андрей увидел древнюю землю Трапезунда.

Современный торговый и ремесленный город занимал долину вдоль моря. Дома там были разномастные, в основном невысокие, среди них тянулись склады и мастерские – берег являл собой не парадную сторону, а скорее обыденные и захламленные зады города.

Далее, поднимаясь на плоскую террасу, начиналась старая часть Трапезунда с узкими улочками, уютными домами под черепичными крышами, мечетями, столбами минаретов, маленьими, неожиданно возникающими площадями с фонтанчиками посередине, отрезками крепостных бастионов, что стали кое-где задними стенами домов. И над всем этим переплетением улиц, переулков и тупичков поднимался холм, где некогда располагалась цитадель и дворец трапезундских императоров – повелителей, малоизвестных даже профессиональным историкам, но тем не менее самых настоящих императоров средневекового государства, оплота христианства в Малой Азии. Таинственная, неведомая археологам и не тронутая ими, а потому трижды желанная земля, таящая множество тайн, открылась перед Андреем. Только невероятное везение, сказочное стечье обстоятельств смогли закинуть сюда Андрея Берестова, и он понял, что до конца дней своих будет благодарить судьбу за такой подарок.

К «Измаилу», бросившему якорь на рейде, спешили лодки торговцев и перевозчиков – крикливо портового люда.

Здесь уже была самая настоящая Азия – шумная, корыстная, бурная. Трапезунд, занятый русскими войсками во время летнего наступления 1916 года, так и остался прифронтовым городом, так как с тех пор русские лишь немного продвинулись вперед к бурым и розовым холмам, что поднимались в отдалении, громоздясь к горизонту настоящими горами.

Прошлым летом и осенью в Трапезунде уже работали три археолога из Петроградского университета во главе с профессором Успенским.

Результаты первого сезона, при ограниченных средствах, в окружении далеко не всегда дружественного греческого и турецкого населения, оказались обещающими, но не более. А хотелось сокровищ, статуй и свитков. Вместо того чтобы укрепить средствами экспедицию

Успенского, Московский университет, вечно соперничавший со столичным, прислал свою экспедицию – авдеевскую, снаженную лучше, чем петроградская, так как в последний момент княгине Ольге удалось заручиться поддержкой мецената и подрядчика Георгия Метревели, который желал, чтобы археологи обязательно нашли в Трапезунде что-нибудь древнегрузинское.

Авдеев мог, не кривя душой, обещать меценату, что его пожелания будут выполнены.

Для этого были основания: во время дворцового переворота в Византии, случившегося в 1185 году, был свергнут и зверски замучен император Андроник. Как и положено в византийских переворотах, победители поспешили убить или ослепить всех близких родственников свергнутого императора, так как опасались соперничества и мести. Особенно жестоко принято было расправляться с мальчиками – возможными наследниками. Так что двум маленьким внукам Андроника – Алексею и Давиду – была уготована ужасная судьба.

Таинственным образом два мальчика исчезли из Константинополя. И объявились вскоре при дворе грузинской царицы Тамары, которая приходилась им родственницей. Факт родственных связей известен всем летописцам и современникам царицы, но в чем они выражались, летописцы не сочли нужным сказать.

Византийские царевичи, законные наследники трона, росли в Тбилиси, играли со своими грузинскими сверстниками, называли царицу Тамару тетей (что отражено в документах) и стали, пожалуй, больше грузинами, чем византийцами.

Неизвестно, как бы сложилась их дальнейшая судьба, потому что Грузия, хоть и была в те годы могучим и процветающим царством, сражаться с самой Византией – одряхлевшей, но могучей мировой империей – не могла.

Алексей и Давид оставались козырем в грузинской политике, но козырем, спрятанным в рукаве, – показывать их пока было некому.

Но тут произошла катастрофа. Очередной, четвертый крестовый поход, в который собралось рыцарство всей Западной Европы, вместо того чтобы освобождать от неверных Иерусалим, направил все свои силы против Константинополя. Византийцы не были готовы к такому коварству, и потому объединенная армия крестоносцев взяла штурмом Константинополь и свергла императора, отчего империя рассыпалась на ряд независимых владений.

Вот тут и наступил звездный час царицы Тамары.

Она собрала армию и послала ее на запад вдоль южного берега Черного моря, покоряя византийские гарнизоны и громя губернаторов. В ее армии скакали бок о бок два молодых отважных грузинских рыцаря – два наследника византийской короны.

Когда успешный поход грузинской армии завершился, Тамара не только отомстила византийцам за смерть Андроника, но и выкроила для своих воспитанников обширные земли по южному берегу Черного моря с центром в Трапезунде.

Там Давид и Алексей были коронованы императорами Трапезундской империи, а их потомки правили Трапезундом четверть тысячелетия, несмотря на то что все эти годы небольшая империя находилась в полукольце врагов. Но умелая и хитрая политика императоров, сила многонациональной торговой элиты Трапезунда, сложные и конфликтующие интересы соседей – все это позволяло Трапезунду сохранять независимость, а жителям его торговать, рыбачить, пахать землю, строить дворцы и церкви, писать книги, петь песни...

– Я освобождаю туалет, – сообщил торжественно Российский, обладавший чувством юмора висельника. – Вам не кажется, коллега, что еще в прошлом году там кто-то забыл дохлую крысу?

– Мстислав Аполлинарьевич, неужели нельзя обойтись без таких шуток? – взмолился Андрей.

– Для вашего юного возраста вы слишком впечатлительны. А может, в прошлом году «Измаил» перевозил сыр? Вы читали повесть Джерома Клапки Джерома «Тroe в одной лодке»?

Андрей с сожалением оторвался от лицезрения бухты. С лодок, подошедших к высоким бортам транспорта, неслись крики: торговцы предлагали все – от сувениров и лепешек до женщин.

Через полчаса археологи в последний раз собирались за завтраком вокруг своего стола, обычно отмеченного присутствием капитана транспорта, капитана второго ранга Белозерского, старика с расчесанной надвое седой бородой, орла времен защиты Севастополя, который не смог отсиживаться в своем имении в годину испытаний и вернулся из запаса к действительной службе.

На этот раз капитан был занят разгрузкой.

Авдеев обвел строгим взором свою немногочисленную компанию – супругу княгиню Ольгу, палеографа Мстислава Аполлинарьевича Российского, отличного специалиста, но невыносимого остряка, а также фотографа Тему Каася, хромого родственника княгини Ольги, которого та пристроила в экспедицию, и никто, кроме самого Каася, не знал, умеет ли он фотографировать или намерен сбежать через Турцию в Египет и греться там на солнце. Наконец взгляд Авдеева остановился на самом молодом участнике похода – Андрее Берестове. Именно к нему оказались обращены слова речи профессора:

– Мы вступаем на древнюю землю, которая должна наградить нас славой или бесчестием. И это касается не только меня.

Тут профессор замолчал и растерянно поглядел на супругу, будто она забыла положить ему в карман отпечатанную на «Ремингтоне» торжественную речь.

– В конце концов! – воскликнул профессор после паузы. – Неужели каждому из вас не ясно? Это наша святая земля – это наш Иерусалим.

Почему-то все стали улыбаться, словно профессор сморозил глупость. Только Андрей не улыбался. Он понял профессора и разделил его высокое чувство.

* * *

Все гостиницы пыльного Трапезунда были переполнены русскими офицерами, прибывшими по различным делам, а также коммивояжерами и откомандированными Земского Союза, Союза городов, благотворительных ведомств и закупочных организаций. Грабить в Трапезунде было нечего, а если что и было, то исчезло уже год назад. Теперь все торговали или занимались контрабандой. Начиналось второе лето русской оккупации, город привык к этой неестественной жизни, будто всегда находился в ближнем тылу российской армии.

Приезжие офицеры роптали ввиду невозможности попасть в гостиницу. Все места были заняты нуворишами, распухшими от поставок и спекуляции армейским добром.

Успенский не пришел встречать экспедицию Авдеева, а прислал одного из своих сотрудников, голубоглазого блондина лет двадцати пяти, Ивана Ивановича. Фамилию свою этот человек, похожий на гимназиста, проведшего лет десять в выпускном классе и забывшего побриться, произнес столь неразборчиво, что никто ее не понял. Он и сообщил, что экспедиция Успенского вот уже вторую неделю занята на раскопках храма Златоглавой Богородицы и профессор Успенский не может отлучиться.

– Естественно, – проворчал Авдеев, – я иного и не ожидал. Скажите мне, молодой человек, а обеспечена ли наша экспедиция жильем, как я просил профессора Успенского два месяца назад?

– Вы и не представляете, – ответил Иван Иванович, не зная, куда спрятать громадные корявые кисти рук, вылезавшие из обтрепанных баҳром рукавов гимназической куртки. – Комнаты достаются с боем, как добыча на войне.

– И вам добыча не досталась?

Иван Иванович, которого вскоре Российский прозвал крестьянским сыном, развел своими ручищами-лопатами, признавая поражение.

– И где же мы будем жить? – спросил заинтересованно Авдеев.

Иван Иванович оглядел многочисленные свертки, ящики и сундуки московской экспедиции, вздохнул по-бабы и произнес робким басом:

– А у меня комнатка-то маленькая.

С этого момента начала действовать княгиня Ольга. Она раздобыла какого-то возчика, забрала мужа и, оставив прочих сторожить вещи, отправилась к коменданту города.

Долгое ожидание, сопровождаемое попытками нападения на багаж грязных местных мальчишек, с которыми криками объяснялся Иван Иванович, было окрашено лишь рассказом добродушного крестьянского сына об особенностях археологической экспедиции в прифронтовой полосе.

Никому эта экспедиция не была нужна, тем более после революции, когда Археологическое общество лишилось высоких покровителей, а надежда на то, что Трапезунд и все эти края навечно вошли в состав России, в последние месяцы подтачивалась множеством тревожных слухов, сильным разложением армии и такой продажностью всех чинов, о какой в самой России и не подозревали. В Трапезунде царил пир во время чумы, причем пировали кому не лень и все за казенные деньги. Передовые части, что держали позиции на горах за Трапезундом, никак не желали оставаться в окопах и митинговали, бросая посты. И лишь крайнее нежелание самих турок воевать спасло русское воинство от полного потопления в Черном море.

Профessor Успенский, глава экспедиции и большой авторитет в византиеведении, предпочитал изучать рукописи и надписи на стенах бывших церквей, чем копаться в пыли в поисках черепков. По возвращении из Трапезунда Успенский был намерен выпустить ряд статей о различных памятниках того края, а также монографию по истории Византийской империи. Под стать Успенскому были и его сотрудники, готовые часами нюхать пыль манускриптов и обозревать порталы храмов, но неспособные взять в руки лопату, кисточку или скальпель.

Иван Иванович, вполне привыкший к странностям жизни в Трапезунде военного времени, ничего не понимал в наконечниках стрел и черепках, зато был специалистом по фресковой живописи средневековой Византии. Помимо этого он оказался и знатоком жизни вообще – пока они беседовали, сидя на тюках, сложенных у пирса, к нему время от времени подходили разные люди, большей частью греки, потому что многие турки уехали из Трапезунда, а греки, как единоверцы русских, чувствовали себя законными владельцами города, не желая верить в неизбежное возвращение торжествующего ислама.

Греки о чем-то деловито совещались с крестьянским сыном, передавали ему пакеты, которые Иван Иванович укладывал в суму, висевшую у него на плече. Хоть Российский с Андреем старались деликатно отворачиваться и не задавать вопросов, все же их разговор настолько часто прерывался появлением очередных подозрительного вида личностей, что Российский не выдержал и спросил:

– Черт побери, вы самый популярный человек в Трапезунде?

– Я? Да вы что! – широко улыбнулся крестьянский сын, выпятив вперед массивный подбородок. – Без крутежа тут не удержишься – помрешь. Неужели вы думаете, что на нашем содержании вы продержитесь больше трех дней?

– И вы торгуете? – спросил Андрей, и в его вопросе было видно такое чистое удивление, такая уверенность в том, что археологи в отличие от остального населения планеты взяток не берут и в темных сделках не участвуют, что Иван Иванович вовсе расхохотался и начал колотить себя кулачищами по острым коленям.

– Я не только торгую, – заявил он, отсмеявшись, – я занимаюсь контрабандой и играю на бирже, только что не ворую.

– Но зачем, зачем? – настаивал Андрей. – Вам же некогда копать.

— Вы не знаете моего распорядка дня, — возразил Иван Иванович. — Я, к вашему сведению, никогда не отлыниваю от ученых занятий и нахожусь на лучшем счету у господина профессора.

— Но чем здесь можно торговать? — спросил Российский, который не выказал никакого удивления или возмущения.

— Здесь? Тем, что приходит из России, и тем, что можно отправить на нашу любимую родину, — сказал Иван Иванович. — Я — мелкая сошка, и поэтому меня не трогают большие акулы. Мне бы просуществовать и вернуться домой обеспеченным человеком.

— Зачем? — спросил Андрей.

— Затем, что я хочу жениться, купить небольшое имение, чтобы хозяйствовать со своей будущей супругой. Я, милостивый государь, из крестьян, я люблю землю более, чем историю.

— Странно, — сказал Андрей, краем глаза видя, как Российский поднимается с тюка и медленно, подобно собирающему бабочек, крадется к зданию пакгауза, стоящему в нескольких метрах.

— Что странно?

— В России идет революция. Многие люди полагают, что вообще надо разделаться со всеми помещиками, отнять имения и все разделить поровну. Солдаты бунтуют, а вы рассуждаете так, словно ничего не произойдет.

— Если я буду думать о дурном, — возразил крестьянский сын, — то я опущу руки и стану ждать смерти. А это мне не свойственно. Вы знаете, кто мой любимый писатель?

— Нет.

— Могли бы и догадаться — Максим Горький. И не его книжки — Бог с ними, с его книжками, в них он часто выступает слоняком и интеллигентом. Меня он интересует как фигура, как человек, сделавший сам себя. Без помощи покровителя или общества. Я ощущаю родство с ним. Он бы меня понял.

Подошел очередной грек. Иван Иванович заговорил с ним по-гречески, и довольно бегло притом, затем вытащил из бездонной сумы пакет, перевязанный бечевкой, за что получил от грека иной формы сверток. Потом грек раскрыл бумажник черной кожи и, пересчитав, вручил Ивану Ивановичу целую пачку незнакомых на вид денег.

Пока шел обмен пакетами и деньгами, Андрей поднялся и пошел к началу улицы, ведшей от пирса. Он сразу увидел кофейню «Синдбад» и деревянный фрегат над запертой дверью. Видно, было еще рано. Андрей подошел к Российскому, сидевшему на корточках перед сложенной из каменных плит стеной пакгауза.

— Что вы нашли? — спросил Андрей.

— Да вы посмотрите, студент! — ответил Российский, не оборачиваясь. — Это же греческая надпись десятого века. Именно десятого века, и скорее всего — первой половины.

— Это редкость? — спросил Андрей, боясь спутнуть ту творческую углубленность, что владела Российским.

— Это большая редкость. Трапезундская империя упрочилась здесь в начале тринадцатого века, до того это была глухая византийская провинция. Я не знаю другой надписи десятого века из этих мест. Вот только сохранность... — Российский кончиками пальцев погладил стертые буквы.

— Вижу, надпись нашли, — сказал, подходя, Иван Иванович. — Здесь их тысячи. Сначала христиане уничтожали храмы римской эры, используя камень для своих построек, затем их дома, дворцы и церкви с таким же энтузиазмом крушили турки. Чудо, что здесь что-то осталось.

— Выгодно продали? — не без сарказма, как ему показалось, спросил Андрей.

— Весьма выгодно, — добродушно ответил Иван Иванович.

— А что здесь идет? — спросил вдруг Российский, выпрямляясь и почесывая острую бородку.

— Мы вывозим отсюда хороший табак, — с готовностью ответил Иван Иванович. — Он хорошо идет у нас. А еще лучше — опиум.

— Опиум? — удивился Андрей. — Для медиков?

— Есть люди, которые курят опиум.

— Но это опасно, — сказал Андрей. — Может образоваться вредная привычка.

Он пользовался сведениями из журнала «Вокруг света».

— Неизбежно, — сказал Российский. — И человек чахнет, не в силах существовать без этого зелья. А это уже распространено в России?

— Пороки гнездятся повсюду, — уклончиво ответил Иван Иванович. — Пошли к нашим вещам — к ним подкрадываются байструки!

Размахивая торбочкой на веревочной ручке, Иван Иванович побежал к экспедиционному багажу, звуками изображая сразу паровоз и стреляющую картечью батарею.

От кучи вещей, подобно тараканам, беззвучно кинулись в разные стороны оборванные портовые мальчишки. Иван Иванович подобрал с земли камень и со злостью запустил вслед воришкам. Камень попал одному из них в ногу, тот завопил и начал сильно прихрамывать.

— Ну зачем вы так! — сказал Андрей.

— Ничего нельзя оставить, ни на секунду, — проворчал Иван Иванович. — Ну вот... — Он показал, что один из выюков был вспорот и оттуда наполовину вытащен рулон парусины.

— А что же им нужно от нас? — спросил Российский, имея в виду международную торговлю, а не воришек.

— Массу вещей из тех, что цивилизованная европейская страна может подарить своему отсталому восточному соседу. — Он вытащил из кармана тесных гимназических брюк дешевые стальные часы на цепочке и принялся крутить их на пальце. — И так далее, — сказал он, — и прочее.

Из-за края пакгауза завороженно смотрели на часы мальчишки.

Потом они исчезли, и показалась повозка — на более высоких колесах, чем Андрей привык в России. В ней сидели Авдеевы и подполковник в черной кожаной тужурке с серебряными погонами военного медика.

— Ого, — сказал с уважением Иван Иванович, — кого подцепили!

— А кого? — спросил Андрей.

— Подполковник Метелкин — главный ветеринар Трапезундского участка. Фигура. Подозреваю, что ваш профессор поэнергичнее нашего.

— Это наша жена поэнергичнее, — сказал Российский.

— Мальчики! — крикнула княгиня Ольга. — Все в порядке!

Когда пролетка остановилась и фатоватый подполковник Метелкин, с вожделением обозревая зрелые формы профессорши, помог ей сойти на землю, княгиня Ольга объяснила, что все члены экспедиции будут размещены в лучших номерах гостиницы «Галата», за что экспедиция и русская археологическая наука должны быть по гроб жизни благодарны Илье Евстафьевичу, который был так любезен и так далее...

— Я преклоняюсь, — прошептал на ухо Андрею Иван Иванович, — там не смог устроиться даже генерал-майор Зайнчковский. Только Метелкин... — И он развел ручищами.

Профессор Авдеев был и рад победе археологии, и смущен нескрываемым восхищением, с которым Метелкин обращался к его жене. Так что он сразу направился к багажу, давая лишние указания сбежавшимся грузчикам. Это вызвало беспорядок в их толпе, так что в конце концов и грузчиками занялся подполковник Метелкин.

Подполковник Метелкин был образцом стареющего светского льва. Он был крайне высок ростом, его маленькая голова с пышными усами была всегда чуть откинута, узкие плечи отведены назад, небольшой, твердый на вид живот существовал как бы самостоятельно в виде авангардного отряда. Длинные ноги подполковникставил по-балетному, но с ухарским вывертом,

так что сапоги его находились в сложном движении и всегда излучали сияние. Волосы подполковника были расчесаны на замечательный пробор и чуть вились, а взгляд был с такой поволокой, что вызывал дрожь в некоторых дамах.

С археологами, которых представила ему княгиня Ольга, подполковник был снисходительно вежлив, дав Российскому и возникшему неизвестно откуда Теме Карасю подержать свою узкую мягкую кисть. Но когда княгиня Ольга произнесла: «А это Андрей Берестов, младший, но далеко не последний сотрудник нашей экспедиции...» – подполковник вдруг замедлил движение руки и, откинув еще более голову, принял изучать Андрея столь бесцеремонно, что тому стало не по себе.

Он даже отвел глаза и посмотрел на крестьянского сына, надеясь найти у того сочувствие, но Иван Иванович смотрел на Андрея с нескрываемым удивлением.

– Разве мы с вами встречались? – спросил наконец Андрей, прерывая затянувшуюся паузу.

– Не имел чести, – ответил подполковник. – Хотел бы знать, что привело вас в наши края.

– Андрей Берестов, – повторила Ольга Трифоновна, решив, видно, что подполковник не рассыпал ее слов, – наш младший, но далеко не последний сотрудник.

– И надолго к нам? – спросил Метелкин, понизив голос, словно эти слова предназначались только для Андрея.

– Как и все, – сказал Андрей.

– Да, конечно, – поспешил согласиться Метелкин, хотя по-прежнему был растерян. Но больше к Андрею он не обращался.

Тем временем откуда-то появились два солдата с винтовками, которые встали возле экспедиционного багажа. Метелкин поручил им заботу о грузе, а сам отвез гостей в отель, в пышное, как кремовый торт, но давно не подновлявшееся трехэтажное здание, перед входом в которое сидели сразу четыре чистильщика ботинок, а двери открывали два швейцара в обшитых позументами потертых ливреях.

Отель «Галата» в Трапезунде летом 1917 года был самым фешенебельным заведением, пожить в котором почитали за честь даже генералы и адмиралы, приезжавшие сюда с инспекциями и строжайшими проверками, не приносившими ожидаемых результатов. В действительности, как и предупреждал Иван Иванович, отель был прибежищем крупных спекулянтов и темных дельцов. Так что появление в «Галате» археологической экспедиции с ее сундуками и тюками, с более чем скромными на вид сотрудниками вызвало некоторое презрительное удивление среди челяди, пока челядь не узрела припозднившегося подполковника Метелкина.

Тогда все стало на свои места. Откуда-то из-за стеклянных дверей в стиле провинциального модерна с примесью ориентального борделя, из-за занавесок, издающих хрустальный звон, появились юноши в красных фесках, готовые немедленно разнести багаж экспедиции по апартаментам.

Метелкин беседовал с портье. Они склонились друг к другу через широкое отполированное поле стойки и взволнованно шептались, словно обговаривали ночной мальчишник. В конце концов денежные проблемы, ко всеобщему удовлетворению, были уложены, подполковник сам вручил ключ от апартаментов люкс профессорше и велел прочим сотрудникам – а именно Андрею, Теме Карасю и Российскому – самим забрать ключи от своих номеров.

Княгиня Ольга сияла, как женщина, вознесенная на недосягаемую высоту бескорыстным поклонением паладина, ее муж изображал пренебрежение к житейским благам, давая при этом понять, что Метелкин старается исключительно ради его прекрасных профессорских глаз. Карась боялся, не случилось бы чего с его камерой и треногой. Российский ничего не боялся и думал о надписи десятого века, а Андрей смертельно хотел спать, потому что ночью трижды вылезал на палубу, чтобы первому увидеть таинственные берега Турции.

Экспедиция, сопровождаемая десятком носильщиков, поднялась на второй, устланный коврами этаж, где рассталась. Здесь оставалось начальство – остальной судьба определила комнаты этажом выше.

Комнаты были в конце длинного коридора. Там потолок был пониже и двери скромнее, чем на втором этаже, но сама комната Андрею понравилась – она выходила на улицу справа от входа в «Галату», откуда начинался подъем к цитадели, где виднелись обломанные зубцы крепостных стен и башен, а далее, за бурными холмами, поднималась серо-голубая под полуденным солнцем громада горы с развалинами на вершине. Андрей поднял жалюзи и открыл окно, чтобы изгнать затхлый запах непроветренной комнаты. Он впитывал в себя чистоту воздуха и полуденную умиротворенность жаркого дня, когда даже мальчишки убираются с улиц, чтобы заснуть в полуутяме задней комнаты.

Ему захотелось запомнить это мгновение, эти звуки и этот вид из окна, и он медленно переводил взгляд с предмета на предмет, как бы фотографируя их глазами.

Когда взгляд Андрея достиг угла улицы, то он увидел полного человека в черном костюме, в черном котелке, что не соответствовало времени и жаре. Раньше Андрей его не замечал. Он глядел на Андрея и, встретившись с ним взглядом, приподнял толстую трость, как бы приветствуя Андрея.

Андрей пожал плечами – он был в этом городе всего часа два и, разумеется, не мог иметь здесь знакомых. Человек в черном размеренно пошел к гостинице. Андрей чуть наклонился вперед, пытаясь разглядеть незнакомца, а тот и не намеревался скрывать лицо. Он приподнял котелок, чтобы Андрей лучше мог разглядеть его лицо, оливковое, полное, с большими черными глазами, сросшимися бровями и напомаженными волосами.

– Господин Берестов? – взяточно, но с акцентом произнес незнакомец, закидывая голову.

– Это я, – согласился Андрей.

– Андрей Сергеевич, если не ошибаюсь?

– Но я вас не имею чести знать, – сказал Андрей.

– Я вас упустил в Севастополе, в апреле, – сказал незнакомец. – Я приехал, а вы были в отъезде.

– Я не был в Севастополе в апреле, – ответил Андрей.

– И я так думаю, – согласился незнакомец. – Я же вас не застал.

– Извините, – сказал Андрей.

– Это вы меня извините, – сказал вежливо незнакомец, надевая котелок. – Я к вам сейчас приду, хорошо?

– Зачем?

– Ах! – расстроился незнакомец. – Меня все в Трапезунде знают. Но такое несчастье, что господин Берестов меня не признает. Я к вам сейчас приду. А вы мне откройте дверь, это вас не затруднит?

И, не дав Андрею ответить, незнакомец скрылся за углом.

Через три минуты он уже стучал в дверь номера. В этой встрече была интрига – как будто ты раскрыл свежий номер «Вокруг света», прочел первую главу нового романа Буссенара или Пьера Бенуа и теперь ждешь, каждый день заглядывая в почтовый ящик, когда же наконец будет продолжение…

– Войдите, – сказал Андрей.

– Это я, – сказал незнакомец, открыв дверь и остановившись там, как бы давая Андрею возможность как следует себя разглядеть. – Мое имя Сурен Саркисянц. Меня многие знают.

– Чем могу быть вам полезен? – спросил Андрей, указывая гостю на стул. – И откуда вы знаете мое имя?

– У меня сегодня одно имя, завтра другое имя, даже родная мама уже забыла, какое имя было у меня с самого начала. Скажите, Андрей Берестов, что вы для нас привезли?

– Я? Для вас?

– Не надо маневров. Вам известно, чьи интересы я представляю. – Саркисянц широко улыбнулся, и Андрею показалось, что он заглянул в жерло огнедышащего вулкана, – все зубы господина Саркисянца были увенчаны золотыми коронками – золотого сверкания было не меньше, чем от полотна Репина «Заседание Государственного совета».

Господин Саркисянц был невелик размерами, но очень ладно и округло скроен, подобен тюленю, покрытому, чтобы пережить холодную зиму и ледяную воду Арктики, ровным и упругим слоем жира. Как ценной тюльней шкурой, этот жир был обтянут тугим черным костюмом, а по жилету стекала солидная золотая цепь.

– Поймите меня правильно, яnegoциант, – заявил господин Саркисянц. – Вам известно такое слово? Я обладаю большими средствами, которые вкладываю в различные предприятия. Так что любая безделица для меня радость. Золотые часы есть? Нет? А серебряные часы есть? Нет? А остальные часы есть? Нет. Скажи, а фотоаппарат у тебя есть? А бинокль у тебя есть? А то, о чем вслух не говорят, у тебя есть?

– Я не знаю, что это такое.

Господинnegoциантрасхохотался. Он просто трялся от остроумия господина Берестова. Потом вытянул на золотой цепи из кармашка, словно якорь, часы и громко щелкнул их крышкой, отчего зазвучала мелодия «Ах, мой милый Августин, Августин, Августин...». Тут господинnegoциантстал непроницаемо серьезен. Он извлек визитную карточку с золотым обрезом, протянул Андрею и сказал:

– Мы с вами, Андрей Сергеевич, будем делать большие дела. Я вас проверил. Все в порядке. Вы мне понравились. Так я и передам заинтересованной персоне.

С этими словамиnegoциант каким-то неуловимым образом оттолкнул задом стул, который послушно отъехал на два аршина и остановился. Затем, уже стоя, перехватил трость и, коротко поклонившись, исчез, словно был плодом воображения Андрея.

Андрей отлично знал, что Сурен Саркисянц ему не приснился и не привиделся. А это означало лишь одно: где-то у Андрея есть двойник, вернее всего, в Севастополе. Что очень странно. Более того, его двойник каким-то образом связан с армянскимnegoциантом.

Менее всего Андрей мог бы предположить, что этим двойником стал его гимназический приятель Коля Беккер, оставшийся в Севастополе после отъезда Колчака в Америку.

Участие в трапезундских операциях, правда, не весьма активное и широкое, Коля начал принимать еще в апреле, при Колчаке. В конце концов, многие в штабе флота и его службах приторговывали с Трапезундским гарнизоном и тамошнимиnegoциантами как купленным на собственные деньги, так и казенным добром.

С отъездом Колчака Коля Беккер и Свиридов стали теснее сотрудничать с помощниками подполковника Метелкина, который в значительной степени мог считаться генералом российских торговых людей. Беккер и Свиридов были нужны трапезундцам потому, что, с одной стороны, всегда знали заранее об акциях флота и армии, как благоприятных для тайной торговли, так и вредных для нее. С другой стороны, именно эти офицеры в штабе помогали обеспечить перевозки добра на военных и транспортных судах под видом боеприпасов, обмундирования и черт знает чего еще. Военные грузы никем не досматривались. Ни Коля, ни Свиридов не знали об истинных масштабах контрабанды или о ее организаторах – они были винтиками передаточных инстанций. Еще в мае полковник Баренц из контрразведки предложил Коле съездить в Трапезунд с ревизией. Коля сначала согласился, но потом, наслушавшись рассказов о нравах тамошних контрабандистов, предпочел сказатьться больным. Баренц был недоволен, но ему ничего не оставалось, как самому собираться в путь: из Трапезунда приходили тревожные вести – конкуренты «севастопольской группы» намеревались перехватить рынок...

* * *

Андрей снял сапоги и, усевшись на кровати, принялся рассматривать свою комнату. Центр номера занимала кровать, которая вызывала подозрения, что в этом номере останавливались обычно джентльмены с небольшими гаремами. Помимо кровати, балдахин над которой был частично сорван, в комнате стояло ободранное голубое мягкое кресло, женское трюмо с пустыми бутылочками и баночками и круглый столик на шатуших паучьих ножках. Пол был устлан потертыми коврами.

Андрей откинулся на постель, не разбирая ее. Она оказалась мягкой, податливой и невероятно скрипучей. «Что же происходит, когда на нее ложится гарем?» – подумал Андрей и тут же заснул.

Проснулся он только к вечеру от непривычных звуков под окном. Город уже очнулся от послеобеденного отдыха и набирал вечерние темпы и шумы. Кричали мальчишки, звенели и вопили продавцы воды и шербета, верещал бродячий фокусник, матерились два пьяных русских прапорщика, завывали прохожие торговцы из лавочек, что выходили на улицу, размером напоминая платяные шкафы.

В дверь постучали – это был Тема Карась, фотограф, которому госпожа Авдеева поручила оповестить археологов, что общий ужин для экспедиции будет подан в ресторане отеля «Галата» и потому всех просят по возможности одеться подобающим образом. Тема был крайне расстроен – у него была лишь зеленая студенческая тужурка, потому что Тему выгнали за увлечение фотографией из Лесного института, а впоследствии все деньги он тратил на химические реактивы, треноги и линзы для своих аппаратов, так что до остального руки не доходили. К счастью, в гардеробе Великого князя, пожертвованного Андрею императрицей, оказались лишние брюки для Темы, которые, правда, пришлось подвернуть.

Сам Андрей никаких трудностей не испытывал – замшевая охотничья куртка с золотыми пуговицами вполне могла сойти за генеральскую униформу экзотической, допустим, лихтенштейнской армии.

Труднее оказалось с проблемой туалета, ибо в гостинице такой пышности «удобства» оказались в конце синего, украшенного цепочкой матовых лампионов под потолком коридора и были заняты каким-то русским человеком, который в ответ на робкие запросы Андрея отвечал, пользуясь всеми красками русского языка, как плохо его желудок переносит острую местную пищу и напитки. В конце концов этот ругатель вышел и оказался низеньким, одновременно облысевшим и взлохмаченным поручиком по интенданству и, не попросивши прощения, побрел прочь. Зайдя внутрь, Андрей вспомнил чью-то мудрую фразу, что уровень цивилизации определяется чистотой ее туалетов.

Помыться удалось в номере, где возвышался грандиозный мраморный умывальник, созданный, видно, Скопасом, на котором стоял наполовину наполненный таз. Так что Андрей, выходя к обеду, был удручен и разочарован.

Но стоило Андрею вновь выйти в коридор и, спустившись на этаж по закругленной с позолоченными перилами лестнице, очутиться на престижном втором этаже, где располагались номера господ Авдеевых – место сбора экспедиции, как его настроение изменилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.